

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА - 02(2013)

Литературная Республика

—
2013
2

СПИСОК

РОССИЙСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОБЛАСТЬ

Коллектив авторов
**Альманах «Литературная
Республика» №2/2013**
Серия «Литературная Республика», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493189
Альманах «Литературная Республика» №3/2013: Московская городская организация Союза
писателей России; Москва; 2013
ISBN 978-5-7949-0387-4

Аннотация

В номере:

Поэзия

Анастасия Алексеева. Твой жребий

Сергей Алёшин. Инаугурация

Проза

Николай Муромцев. Сотка земли

Галина Мяздрикова. Ужин в Италии

Пьесы

Наталья Пушкарева. «Друзья»

и многое другое

Содержание

Бояринов Владимир Георгиевич	7
С улицы	7
Бракодел	9
Переводы	10
Лопсон	11
Не дозрел	14
Песня Бога	15
Поэзия	16
01	16
Твой жребий	16
02	17
* * *	17
* * *	17
* * *	18
* * *	18
* * *	18
Инаугурация	19
* * *	19
Какая ночь зимой!	19
* * *	20
03	21
День Победы	21
Колыбельная солдатки	21
Старая фотография	22
Старые раны земли	23
04	25
И.Е.	25
* * *	25
05	27
Твардовскому	27
Таможня	27
Гроза	28
06	30
Виртуальный кот	30
Было страшно стать вдовой...	31
1.	31
2.	32
Выживу	32
07	34
Посвящение О.В.	34
Художник-вечер	34
Кузнечик	34
Поздний август	35
Непогода	35
Сретенский монастырь	36
Вина	36

	Закат	36
	* * *	36
	* * *	37
	* * *	37
	* * *	37
	* * *	37
	* * *	38
	* * *	38
	* * *	38
	Облака	39
	* * *	39
	* * *	39
	Осеннее утро	40
	* * *	40
	* * *	40
	Русь	41
	* * *	41
	Снежинки	41
	В столице...	42
	Багетчик	42
08		43
	Прости	43
	Дитя гордыни	43
	Дорога	44
	Я к Блоку шел...	45
	Песнь листопада	46
	Хозяин слова	47
	Вдруг	47
	Что нам тоска?	48
	Жду судьбу	48
	Капли дождя	49
	Песня кладбищенская, недопетая	50
	Не могу я сказать «до свиданья»	50
	Вернись	51
	Любимый Ангел	52
	За столом	52
09		54
	* * *	54
	Герману Арутюнову	54
	* * *	55
	* * *	55
	* * *	56
	* * *	56
	* * *	56
10		58
	У самого края	58
	Наивность и Мудрость	58
11		60
	В дорогу!	60

	Экскурсия по Петрозаводску	60
	Площадь Ленина	60
	Парк Державина	61
	Музей кукол	61
	У речки	62
	На набережной	62
12		64
	* * *	64
	* * *	64
	* * *	65
13		66
	На краешке	66
	Майский танец	66
14		68
	Медведица Маша	68
	Музыка	68
	Друзья	69
15		71
	Памяти деда	71
	Мое богатство	72
16		73
	Дому 50/5 на ул. Б. Никитская	73
	I	73
	II	73
	III	74
	Молитва	74
	Христос воскрес!	75
	Часовня	75
	Художник	76
	Нам всем	76
17		77
	Вечный бой	77
	Осень	78
	Мираж	78
	* * *	79
	Выбор	79
	Поэту	79
18		81
	Молитва	81
	Русь	81
	* * *	82
	Осенний мотив	82
	Прощание	82
	* * *	83
	Дело было в Репном	83
19		85
	Зачем тебе?..	85
20		86
	Тридцать строчек о любви	86

21		87
	* * *	87
	* * *	87
	Ушедшим	87
	Неуспокоившееся предание	88
	Цена порыва	88
	* * *	89
	Определённость	89
	Диалектическое рондо	89
	Эстафета	90
22		91
	Казачья песня	91
	* * *	92
	Проселочная Русь	92
	Огни трактира	93
23		95
	Март в снегу	95
	Конец ознакомительного фрагмента.	96

Альманах «Литературная Республика» №3/2013

Бояринов Владимир Георгиевич Звать меня Кузнецов, я один...

С улицы

В 1974 году волею судеб меня перенесло из семипалатинских степей в столицу нашей родины. К этому времени я перешел на второй курс заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. Из писательской среды я знал только одного живого поэта, руководителя семинара Егора Исаева, который еще не был Героем труда и Ленинским лауреатом, но у меня даже мысли не возникало, чтобы обратиться к нему по поводу подходящей работы. Я просто собрался с духом и в один из ясных августовских дней вышел на поиск, как выходят в море или на охоту. На соседней улице располагалось издательство «Художественная литература». Когда решение принято – робость остается за дверью. Я переступил порог отдела кадров, где отставной генерал по фамилии Спок, щадя мое простодушие, сказал:

– Ты хоть понял, куда попал? Здесь работают жены и дочери, – последние слова он произнес врасстыжку и многозначительно, вздев указательный палец. – Они тебя съедят на десерт и очень быстро. А поезжай-ка ты на улицу Ярцевскую, – он написал адрес на квадратике бумаги, – там недавно открылось молодежное издательство «Современник». Если не возьмут – узнаешь хотя бы, где поэты свои первые книжки печатают.

И уже другой отдел кадров. Заведующая Галина Яковлевна провела меня в редакцию литератур народов РСФСР.

В маленьком, с позволения сказать, кабинете сидел крупный мужчина с вьющимися волосами и оленьими глазами. Он курил болгарские «БТ» (он всегда курил только эти сигареты), выпуская дым через нижнюю губу.

– Юрий Поликарпович, вот вам кадр, поговорите с ним,

– сказала заведующая и оставила нас наедине.

Мой работодатель был задумчив, если не мрачен. Он ведал в редакции литератур народов России поэзией, и как выяснилось позже, Юрия Поликарповича Кузнецова раздражала свернутая в трубочку газета «Советский спорт», которой я невольно поигрывал. И пусть только в 1998 году Кузнецов признается: «Что не люблю, так это спорт, поверьте...», – поэт не был к нему расположен и в середине семидесятых.

Последовало несколько дежурных вопросов и односложных ответов.

– Кого любишь из современных поэтов? – вдруг спросил Кузнецов.

«Первый раз тебя вижу, а ты просишь в любви исповедаться, – мелькнуло в голове. – Не на того попал».

– Василия Федорова и Леонида Мартынова, – выпалил я.

– Старые маразматика, – сквозь зубы процедил Кузнецов. – Еще кого?

– Игоря Шкляревского.

– Мелкота, – вконец разочаровался Кузнецов. И давая понять, что разговор закончен, добавил:

– Завтра принесешь свои стихи.

Это теперь ясно, что неведомая сила вынесла меня прямым на Юрия Поликарповича Кузнецова, у которого еще не было знаменитых книг, но сам он совершенно четко осознавал свое место в русской поэзии. И в каких бы дружеских отношениях мы порой не находились впоследствии – язык не поворачивался назвать этого человека запанибратски по имени. Для меня он всегда был и остается Юрием Поликарповичем.

А тогда подумалось: «Ну и тип! Какие могут быть стихи! Да гори оно огнем!»

Однако на другой день я сидел в том же кабинете и с удивлением наблюдал, как терпеливо Кузнецов читает мою рукопись, раскладывая ее на три стопки. Над одним из лирических откровений он хмыкнул: «Шла она, к другому прижималась, и уста скользили по устам...»

Наконец он встал со стула, потер руки, хлопнул ладонью по одной из разложенных стопок и победно объявил приговор:

– Это – Рубцов!

Хлопнул по второй:

– Это – твое!

Третью он пренебрежительно и резко отодвинул от себя:

– А это отнеси в журнал «Юность».

Потом глянул на меня столь торжествующе, как будто положил на обе лопатки:

– Иди, заполняй учетный лист.

Над этим листом Кузнецов раздумывал недолго, но остановился на имени жены – Рауза – и спросил:

– Татарочка?

Получив утвердительный ответ, впервые улыбнулся:

– Правильно. Восток надо покорять.

Я еще не знал, что «покоренный» им самим Восток носит имя Батимы и родом из моего же термоядерного Семипалатинска.

Бракодел

На исходе 1976 года жена родила вторую дочку – Татьяну. Мне, конечно же, хотелось сына. Я даже на справочную роддома «наехал». Впрочем, я не был здесь оригинален...

Но и радость моя была откровенной, бурной, плавно перешедшей в новогоднее пиршество.

– Бракодел! – при первом же известии бросил в мой адрес Кузнецов. Конечно же, в шутку.

Но жизнь горазда на всякие шутки. И через несколько лет уже в семье Юрия Поликарповича родилась вторая дочь.

– Бракодел! – принародно отыгрался я. Однако невозможно смутить счастливого отца.

– Ха! – сказал Кузнецов. – У всех гениев сначала рождаются две дочери...

Переводы

В России говорят и пишут на доброй сотне языков. Мы работали в редакции, которая была призвана заниматься переводами прозы и поэзии носителей и хранителей этих языков. Была призвана заниматься переводами, но честно и страстно занималась переложением подстрочных переводов на русский язык. Конечно же, так называемые, переводчики Расула Гамзатова не знали аварского, и весь мир смотрел на поэзию знаменитого горца сквозь призму русского языка.

Кредо Юрия Кузнецова в этом крутом вопросе заключалось в том, чтобы, во-первых, найти среди общего потока подстрочников самородок, пригодный для обработки; во-вторых, стих в русском изложении должен соответствовать лучшим оригинальным образцам того поэта, которому доверили перевод. Горе тому, кто брался за переводы как за халтуру! Доходило до расторжения договоров, до скандала и до слез, но здесь Кузнецов был непреклонен.

Лопсон

В советское время издательский процесс представлял собой отлаженный конвейер, и если рукопись по плану сдавалась 15 октября, то – кровь из носу – именно в этот день она должна была уйти в типографию.

В плане выпуска 1976 года стояла рукопись бурятского поэта Лопсона Тапхаева. Молодого автора открыл Юрий Кузнецов, дал высокую оценку и пообещал своему ровеснику, также потерявшему отца на войне, помочь с переводом.

При этом надо отметить, что Юрий Кузнецов обычно не переводил сборники целиком. Оставляя за собой «право первой ночи», он отбирал философского плана стихи и – реже – поэмы. Если мы делали книгу совместно, то ко мне переходила любовная лирика и народные мотивы.

Но книга «Сияние в Саянах» Лопсона Тапхаева была нашей первой совместной работой.

Срок сдачи «Сияния» неумолимо приближался, вот уже осталось меньше полутора месяцев, а Юрий Кузнецов после выхода сборника «Край света – за первым углом» не только продолжал пожинать плоды славы, но и пахал, как Микула Селянинович. Тут было не до переводов.

В один из понедельников он позвал меня в кабинет и спросил:

– Переведешь книжку Тапхаева за месяц?

Я задумался. Получалось почти по 50 строк в день. Ничего невозможного в этом не было, если бы не служба...

– Приходить на работу будешь только в понедельник с готовыми переводами, – упредил мой вопрос Юрий Поликарпович. – Буду читать. Может быть, и сам что-то переведу. А начальство спросит – я прикрою.

И началась страда! Если учесть, что первой моей дочке к тому времени и года не было, и жили мы в коммуналке на 20-ти метрах, то мои вдохновенные страдания, естественно, удваивались и происходили в ванной комнате, где я запирался вместе с подстрочными переводами.

Через неделю я понял, глядя на Кузнецова, что Лопсон Тапхаев звучит на русском языке сообразно своему таланту. И моему тоже.

Но надо знать Юрия Поликарповича! Вот в одном из стихотворений прошла арба. Какая трава осталась под колесами? Естественно – примятая.

Лицо Кузнецова искажается, как от зубной боли:

– Измятая! – почти кричит он.

– Почему?

Кузнецов делает движение, словно срывает пучок травы и, растирая его в ладони с такой силой, что вот-вот брызнет сок, выдыхает:

– Да потому что экспрессии больше!

Все на той же арбе – то там, то здесь – появлялся старец: «мелькал в степи, как вечности частица».

Кузнецов правит своим бисерным почерком: «мерцал в степи»...

И если таких правок в стихотворении было несколько, то из перевода неотвратимо наплывал кузнецовский слог. А что уж говорить о самих переводах Юрия Кузнецова. Он не был артистом, не играл в стиль другого поэта. Он всегда оставался Кузнецовым. Неповторимым.

Книга ушла в производство по графику. Юрий Кузнецов успел сделать всего один перевод. Зато какой!

...На концах растопыренных пальцев
Отраженное эхо живет,
И шершавую бездну пространства
Я читаю на ощупь, как крот.

...Дома нету ни зги, ни просвета,
И на улице тоже темно.
Тьма души – как особая мета,
Ни стереть, ни уйти не дано.

...Это солнце встает не с востока
И заходит не в этом краю.
Это солнце горит одиноко —
Я о нем свою песню пою.

В этой песне душа забывает
О печали, идущей вослед.
Как ребенок душа засыпает
И далекий ей брезжится свет.

...В тесноте незнакомого мира
Я как дятел стучу по земле.
И со всем, что тревожно и мило,
Расстаюсь и встречаюсь – во мгле.

(«Монолог слепого», в сокращении)

Слышите слог, который не спутаешь ни с каким другим?

Я бы не приводил для примера это стихотворение, если бы не знал наверняка, что Юрий Кузнецов как истинный мастер гордился своими переводами. Было чем. Но при этом не терял чувство юмора. А так как на титуле стояло: «Перевод с бурятского Владимира Бояринова и Юрия Кузнецова» – целый вечер после выхода книги подначивал в застолье: «Так чьи переводы лучше?»

А застолье состоялось благодаря моему с Кузнецовым пари.

Книга вышла в день зарплаты. Бухгалтерия была готова выписать нам гонорар. Но еще не пришла справка из Книжной палаты, в которой указывалось, какое по счету издание на русском языке имеет то или иное стихотворение. А так как «Сияние в Саянах» было новинкой, то и предоставление этой справки было несложным делом для палаты.

Я договорился с бухгалтерами «Современника» о том, что к вечеру принесу этот желанный документ, а они выдадут гонорар. После чего объявил Юрию Поликарповичу:

- Вечером обмоем наше «Сияние».
- А что, – удивился Кузнецов, – справка пришла?
- Сама сегодня уже не придет, но я ее добуду!
- Слабо! – сказал Кузнецов. И мы ударили по рукам.

Я позвонил в Книжную палату заведующей Конюшовой. Рассказал ей выдуманную на ходу историю о том, что бурятский автор Лопсон Тапхаев сейчас находится в Москве, но завтра улетает в Прагу, а так как у него есть шанс получить в издательстве «Современник» гонорар, то не могли бы Вы выдать справку сегодня.

И пусть нас разделяло расстояние от м. «Молодежное» до м. «Библиотека Ленина», но я увидел, как на другом конце провода заведующая Конюшова широко улыбнулась моей хитрости, а въяве сказала:

– Так пусть Лопсон Тапхаев и придет за справкой сам.

Но меня уже трудно было остановить.

Дядя моей жены по имени Ахмет имел вполне восточный вид, а при галстукe и в шляпe выглядел убедительно и солидно.

Когда мы с Ахметом вошли в огромный зал Книжной палаты, где за тесными столиками сидело не меньше трех десятков женщин, работающих над пресловутыми справками, и где, словно классный руководитель, за столом пошире угадывалась наша заведующая, мы наперебой заговорили с родственником на таком замысловатом языке и так громко, что заведующая Конюшова без проволоочки выдала Лопсону-Ахмету желанную справку. Суть моего плана была проста. Я с детства знал наизусть несколько стихотворений на казахском языке, а Ахмета не надо было учить татарскому. Вот мы и разыграли нехитрую сценку.

Ахмет поблагодарил Конюшову на своем родном языке. А я, размахивая руками и как бы объясняя существо происходящего своему спутнику, прочел очередное стихотворение на языке бескрайних степей, выученное еще в семипалатинской средней школе. Собственно, в этом и заключался секрет нашего «толмачества», где бурятским языком даже не пахло.

Справку я принес сначала Кузнецову – в знак того, что пари выиграно. Потом отдал в бухгалтерию. И мы получили гонорар.

А еще через полгода Лопсон Тапхаев за книгу «Сияние в Саянах» получил премию Ленинского комсомола. Но и это еще не все. Наш поход в Книжную палату обрел черты легенды, и татарская родня переименовала дядьку Ахмета в Лопсона и под этим благословенным вторым именем он счастливо прожил до старости.

Не дозрел

Кому-то Кузнецов казался слишком мрачным, кому-то – замкнутым. Когда я начал его понимать, стало очевидным – не только в минуты некой отрешенности, но всегда и везде его не покидала неотвязная и неведомая сосредоточенность. «Простим угрюмость...»

То ли на 23 февраля, то ли на 9 мая наша редакция выпустила серьезную стенгазету. И передовица в ней была серьезная, и стихотворение Юрия Кузнецова тоже:

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об отчизне
Сияет в душе, как звезда...

Такой оборот показался мне декларативным и прямолинейным. Стоя в тесном коридорчике, который одновременно служил для нас курилкой, я решил с «выражением» прочесть эти строки в присутствии других сотрудников. Прочесть так, чтобы они увидели: и на старуху бывает проруха. Я вошел в раж и не заметил, как за моей спиной вырос Кузнецов. Он положил руку на мое плечо и с сожалением произнес:

– Не дозрел!

Но уже через час мы вместе обедали в столовой.

Он не был угрюмым, потому что не помнил и не держал зла.

Песня Бога

В Литературном институте состоялся вечер памяти Юрия Кузнецова. Там же была попытка презентации книги Кузнецова «Крестный путь», которая по какому-то фантастическому недомыслию издателей вышла под названием «Крестный ход». Ошибку они осознали в тот момент, когда весь тираж был уже отпечатан. Поэтому в ходе вечера выступающие несколько раз запинаясь об этот казус, и когда очередь дошла до выступления редактора, его в зале уже не было. Но вечер получился чинный.

Батима подарила каждому по книжке и диску с записью стихов и песен на стихи Юрия Кузнецова.

Придя домой, я поставил диск на прослушивание. Ко мне присоединился шестилетний внук Артем, и когда очередь дошла до «Колыбельной», отнюдь не оцерковленный мальчик вдруг сказал: «Это любимая песня Бога».

Поэзия

01

Алексеева Анастасия, Москва

Твой жребий

Мы ищем смысла в этой жизни,
Стремительный водоворот
От колыбели и до тризны
Без остановки нас несет.
Мы верим, любим, знаем, плачем,
Святой надеждою живем.
С подругой ветреной, удачей
Идем по жизни мы вдвоем.
Жизнь всех ломает, проверяя
На прочность каждого из нас,
И все мы ходим тут по краю,
Сорваться можем хоть сейчас.
Во что я верю? Верю в Бога.
И эта вера мне дает
И смысл, и силы на дорогу,
Что за собой ведет вперед.
И мне не страшно обернуться
И с прошлым встретиться опять,
Воспоминания очнутся,
Но время не вернется вспять.
Что ищем мы по этой жизни?
У каждого ответ есть свой.
Итог подводится на тризне.
Творить судьбу – вот жребий твой!

02

Алёшин Сергей, Москва

* * *

Скользит луч света меж иконами,
Под сводами коснулся росписей,
Вошел проемами оконными
И осветил жилище Господа.

Повсюду свечи, запах ладана,
Спасенья ищем мы и истины.
На сердце заживают ссадины,
Готовы к исповеди искренней.

Мы нашей молимся Заступнице,
Ждем чудо от святых подвижников,
Что их усердием искупятся
Страдания и боль униженных.

Надежды чаша не осушится,
Взойдут, зазеленеют саженьцы,
И вещая душа-послушница
Свой крестный путь пройти отважится.

Незримо дни вращает мельница
От Пасхи к Рождеству и Сретенью,
Мы верим, среди нас поселятся
И доброта, и милосердие.

И чувствуем своими душами,
Что мы в пути найдем пристанище,
И общая судьба грядущая
Придет, продлится и останется.

* * *

Ночь, звезды вновь на небосклоне,
Покойно, тихо на земле,
И ранний месяц заостренный
Меж звезд плывет на корабле.

И насладится невозможно,
Ни слушай сколько, ни смотри!

Мне кажется, что придорожный
Сад что-то затаил внутри.

Что там, разгадывать не надо.
Окутала собою даль,
Скрывает от чужого взгляда
Ночь тайную свою печаль.

Но словно вижу я воочью
То, что теряю в свете дня,
Надежды полон темной ночью
И веры в вечность бытия.

* * *

В мире тишина. Закат погас.
Россыпи на небе тысяч глаз.
Звезды смотрят, ожидая дня,
Как глаза покинувших меня.

* * *

Все, что ни есть: зеленый лес,
Торжественные звуки месс
Сквозь шелуху и пыль словес,
Что нам нашептывает бес,
Откроют тайный мир чудес.
И мы себе наперерез,
Отдернув темноту завес,
Увидим вечный свет небес.

* * *

И диск луны, и звездный мост,
Все было в мире до меня,
И я случайный странный гость
Бьюсь над разгадкой бытия.

Не все ли было мне равно,
Когда дано немного лет,
В какой цепи мое звено,
Куда мой путь, и где мой след.

Но столько встретил я чудес,
Что ветра чистая струя
На сердце сделала надрез,
Задав загадку бытия.

И чувствуя ее в себе,
И каждой клеткой ощутив,
Я обретаю смысл в судьбе,
Пред высшей тайною застыв.

Инаугурация

Когда страданиями чаша
Переполнялась в годы бед,
Взывали, что спасенье наше
В царе, – народ молчал в ответ.

Не зря чрез многие мытарства
Прошли правители след в след,
Венчаясь, претендент на царство
Стоит один – народа нет.

* * *

Настолько счастлив человек,
Насколько слеп, что он несчастен,
Талантом будет слыть свой век,
Пока не скажет слова мастер.

Он издает победный клич,
Не понимая поражений,
И в край, куда погонит бич,
Пойдет с улыбкою блаженной.

Какая ночь зимой!

Какая ночь зимой! Блестят
Снега, лежат на елях,
Пошили свадебный наряд
Они себе из тканей белых.

Шел снегопад. День был в чадре.
Просторы все ковром покрыты,

И небо в черном серебре,
Занесены тропинок нити.

Поздней утих. Отдал всю мощь.
И выросли на метр сугробы.
Сейчас стоит, какая ночь!
От поездов стук легкой дробы.

Какая тишь, и нет ветров.
Им день был отдан невеселый.
Но, словно из других миров,
Приходит ночь по чьей-то воле.

И в наступившей тишине
Мне больше ничего не надо,
Какая ночь дана и мне,
И длится после снегопада.

* * *

В распаханную настезь пашню
Падет на глубину зерно,
Подземных соков напившись,
В росток проклюнется оно.
Из лона гулко-го, земного,
Побыв с собой наедине,
Впитав Божественное Слово,
Стих зарождается во мне.

03

Варварица Инна, Москва

День Победы

Свой первый в жизни праздничный салют
Я помню в День Победы в сорок пятом,
Всеобщим ликованием объаты,
Под треск ракет все к площади идут.
Мне третий год – мне не осмыслить до конца,
Зачем все обнимаются и плачут,
Что для меня победа эта значит —
Судьба в живых оставила отца!
Жизнь возвратилась на свои круги,
Я с мамой и отцом гуляю у реки.
Но далеко не всем девчонкам и мальчишкам,
Вот так же повезло, как мне, шагать вприпрыжку,
Держась за две надежные руки.

Колыбельная солдатики

День осенний угасает,
Дождь по окнам бьет.
Над Россией полыхает
Сорок первый год.
Но в уральской деревушке
Не слышна война.
Печка топится в избушке.
Вечер. Тишина.
Кот зевнул и выгнул спину.
За окном темно.
Мать читает крошке-сыну
Папкино письмо:
«Мой родной, с врагом постылым
Бьется папка твой,
Чтобы рос сынок счастливым,
Чтобы твой покой
Подлый враг не смел тревожить
Грохотом войны...»
Мать, читая, шепчет: «Боже,
Жизнь его храни!»
Треугольник нынче утром
Почтальон принес,
Расплылись в нем строчки мутно

От невольных слез.
Голос мамы убаюкал
Папкиным письмом.
Спит сынок, раскинув руки,
Безмятежным сном.
А над зыбкой сном тревожным
Задремала мать...
И не скоро им, возможно,
Предстоит узнать:
В день минувший, на рассвете,
Был жестокий бой.
Стал сынок солдатский Петя
Нынче сиротой.

Старая фотография

На старой карточке с потертыми углами,
Где мама молодая-молодая,
Счастливый старший брат прижался к маме.
У дочки в памяти она – другая:
Четыре первых года до войны
Перечеркнул один кошмарный день.
Там по дороге, где бегут они,
Скользит огромной хищной птицы тень.
Фашистский летчик снова сделал круг,
Вот он опять у них над головой!
Укрыться негде: ширь полей вокруг,
Да рев мотора и снарядов вой!
Песок дороги на зубах хрустит —
Накрыла мама дочку с головой.
Но только почему она молчит?
И не встает? И не бежит домой
От страшной птицы с дочкой на руках?
И что за пятна алые горят
На белой блузке в синих васильках?
О чем так плачет бабушка? И брат?
Потом брели по колкому жнивью...
Война отца и маму отняла.
И бабушка одна, за всю семью,
Их с братом поднимала, как могла...
Дочь держит карточку с потертыми углами,
И выплывает боль далеких лет.
Пусть дочь сейчас в два раза старше мамы,
Но срока давности у этой боли нет!

Старые раны земли

Зенитчице Раисе Александровне Исаевой
Гриб вырос у оврага, на краю, —
Красавец белый, царь грибов, бесспорно.
Срезая, с удивлением смотрю:
Овражек этот явно рукотворный!
Когда-то вырыт в форме буквы Z(ed),
Уже давным-давно зарос травой —
Немой свидетель тех героических лет,
Что стали вечной славой боевою.

Наш светлый лес окопами изрыт,
Воронки между них земные раны.
Печальный след войны земля хранит
Десятки лет, как память ветеранов.
Окопы рыли женщины, юнцы
Несильными, упорными руками.
А за Окой сражались их отцы.
Там шли бои, и полыхало пламя
Врагом сожженных русских деревень,
Там городов оставленных руины!
С налетов начинался новый день,
А нашу землю рвали бомбы, мины!
Под стон берез земля взлетала ввысь,
И с корнем выворачивались елки,
И с визгом над окопами неслись
Снарядов смертоносные осколки.
Опять летят бомбить аэродром!
Под грохот, вой, свист пуль противно-тонкий
Врага встречали яростным огнем
Зенитчицы – вчерашние девчонки!
Пикирует у них над головой
Убийца «Юнкере», как исчадье ада!
И чтобы захлебнулся этот вой,
Его поймать в прицел девчонкам надо.
А вражья стая злее с каждым днем,
Поганит наше небо диким воем.
Девчонкам станет страшно, но потом,
Когда на время стихнет грохот боя.
Враг не топтал травы в родном лесу,
Но плоть земли его снаряды рвали.
От их осколков, тех, что смерть несут,
Окопы чьи-то жизни защищали.
Лишь сотня верст осталась до Москвы.
Враг за рекой. А ополченцы – между,
И стали наспех вырытые рвы

Последним самым рубежом НАДЕЖДЫ!

За рощей и сейчас аэродром,
За ним простор и синь приокских далей.
Сегодня представляется с трудом,
Что здесь когда-то люди погибали.
Но светлый лес окопами изрыт.
И всюду между них воронок раны.
Трагедию войны Земля хранит
Десятки лет, как память ветеранов!

04

Ветров Александр, Клин

И.Е.

Разлука, знаю, чувства губит.
Не пощадит она и нас.
И кто-то первым все разлюбит,
Предав забвенью каждый час.
Что отгорело, – не зажжется,
Что было в прошлом, – не вернется
И не подарит ни стихов,
Ни в роще звучных соловьев,
Ни долгих трепетных свиданий,
Ни доверительных бесед.
Один, быть может, тусклый свет
В душе мелькнет воспоминаний
И вмиг исчезнет без следа,
Как мимолетная звезда.
Увы, забвенью все подвластно.
Всему судьба – уйти в ничто,
И ум велит нам жить бесстрастно,
Сказать всем чувствам: «Ну и что?..»
Но жить без них едва ль кто сможет:
Есть тот, который нас тревожит,
Кто нас волнует, кто манит,
К кому душа в мечтах летит.
Но год, другой... И все проходит,
И торжествует снова ум,
И мы во власти прежних дум,
О скоротечном. Все приводит
К тоске, к унынию. Мы грустим.
И в чем-то вдруг себя виним...

1983

* * *

Из всех красавиц чудных света,
Которых видел или знал,
Я с благодарностью поэта
Пред ней лишь трепет испытал.
Ее зовут... О, звук чудесный!
Ее зовут... О, лик небесный!
Опять волненье языка.

Никак не справлюсь с ним. Пока
Не объявить мне это слово,
Я весь в восторге перед ним.
Вдохну сильней и со своим
Волнением справлюсь. Все – готово!
Но слышу сердца сильный стук:
Сейчас раздастся чудный звук.

Ее зовут... Язык немеет,
Опять не может объявить,
Любимой именем не смеет
Минуты эти освятить.
Причина есть сему запрету.
Ее желанью и совету:
О ней ни с кем не говорить,
Я обещал ей верным быть.
Ее желание резонно.
Молчу, молчу не без труда,
Но все ж, признаюсь, иногда
Я мог бы имя восхищенно,
В котором радость многих лет,
Произносить, забыв запрет.

1992

05

Виноградов Андрей, Москва

Твардовскому

А ты стоишь все там, на косогоре,
Кручиня взгляд и расстегнув шинель.
Войны прошедшей фронтовое горе
Всадило в сердце памяти шрапнель...
Давно ли те бои отгрохотали,
В которых Теркин выживал, как мог,
Где, попрана свинцом, железом, сталью,
Земля вгрызалась в стоптанный сапог,
Где с жизнью молодою расставались,
Забрав надежду у своих невест,
Фату сменивших траурной вуалью,
Тайком целуя свой нательный крест?..
Измерив гниль болот тогда под Ржевом,
Ты кровью сердца строки высекал
И слезы заедал ты черствым хлебом,
Пешком бредя на Киевский вокзал...
Но мог ли ты вернуться? – или это
Нам не постичь?.. И все ли ты сполна
Смог выразить больной душой поэта,
С которой отлетела пелена?..
И мнишь: вон там, за горизонтом – хаты,
Где окна заколочены навек,
Откуда, мать обняв, ушли солдаты,
Чьим шепотом свои стихи изрек...
Что ж, жизнь прожил ты до последней точки.
И не скулил, не подличал, не лгал —
И у судьбы не требовал отсрочки,
И милостей ни от кого не ждал...

25-26 июня 2010 г.

Таможня (басня)

Служив в таможне много лет,
В отставку вышел мой сосед.
Скопив немалый капиталец,
Решил – землицы прикупить,
А вместе – так тому и быть! —

Чтоб «пальцем не стучать о палец»,
Трудиться будет на досуге.
И план свой изложил супруге:
«Не глядя на солидность лет,
Желаю в пользу я семейству
Закрыть дорогу ротозейству —
И учредить такой запрет:
Всяк, следуя моей землею,
С поклажей малой иль большою,
Мне должен пошлину платить;
И с этого мы будем жить!»
Супруга – что ж! – план одобряет
И ждать прибытков начинает.
Вот ждет неделю, месяц ждет —
Никто чрез землю не идет.
Всяк норовит пройти изгибом —
Чрез речку или над обрывом.
Никто не чаёт дань отдать —
Будь конный или пеший странник,
Будь то купец иль муз избранник.

.....
Допрежь, чем сборы собирать,
Пойми, что здесь за обстановка:
Нужна ли старая сноровка?

31.01.2012

Гроза

Вот дождь шумит, и рвутся
На лужах пузырьки.
Вот громы раздаются
Из Зевсовой руки.
Бежит стремглав прохожий,
Потоками гоним —
С собою столь несхожий
Солидный гражданин.
Вмиг вымокнув до нитки,
Он детство вспомнил вдруг:
Стянул с себя ботинки —
Не поглядев вокруг.
Да и кого стыдиться,
Когда ревет гроза,
Вода в низы стремится,
Пылают небеса
В разрядах ярких молний —
И снова в черноту...
Чудак бежит проворней,

Снимая на ходу
Пиджак, рубашку, брюки;
Бросает их в портфель
И мчится – ноги в руки!
«Вот это карусель!
Вот это дождь, погода!
Вот это, господа,
Скажу я вам, природа!
Вот это жизнь! И – да! —
Я будто вновь родился,
Душой помолодел»...
На улице творился
Стихийный беспредел...

2006

06

Галочкина Лидия, Москва

Виртуальный кот

(посвящается вдове)

Я кот с рабочего стола —
Жить в мониторе надоело.
Что виртуальность принесла?
Прыжок — и в дом вхожу я смело.

Один, пока хозяйки нет.
Она придет — возрадуется чуду!
И снимет плащ, и включит свет...
А я замру — мяукать ей не буду.

Нальет на ужин молока,
Кантату включит Перголези.
Заплачет снова, скорбь так велика,
Все об ушедшем муже грезит...

И трепетно меня возьмет,
Прижмет пушистенькое тельце.
Хозяйки рана заживет...
И я спокоен буду — сердцем.

Смогу утешить хоть на миг.
Она души во мне не чает!
Я лучше всех друзей и книг,
И тайны мне она вверяет.

А я мурлычу от души
Ту песенку, что мама пела,
Когда ребенком был... Спешит —
Мне тоже молока согрела.

В полосках рыжие бока,
Я так красив — глаза пленяют!
Меня пора воспеть в стихах,
Пусть в мониторе оживаю!

И вот моя любимая и я.
Я ни к кому так просто не вторгался.
И у нее зеленые глаза —
Я зверь, который раньше не влюблялся.

25.042010

Было страшно стать вдовой...

1.

Было страшно стать вдовой, невыносимо.
Я печаль в душе три года проносила.
И помин с подружкой сегодня мы справляем,
Черный лист в календаре скорее отрываем.

И без песни, и крыла – птицей покалеченной,
Став больной бабой, однорукой, изувеченной.
Слабой-сильной надо быть мне одновременно —
Так вдовой я стала бедной преждевременно...

На столе зажгли свечу мы поминальную,
Долю горькую клянем, многострадальную.
Просим милости – подружка так отчаялась,
На скатерку водку пролила она нечаянно.

Вот уж десять лет как муж ее похороненный —
Так знакомы ей печальные церемонии,
Ленты черные с венками ритуальные.
Надевали мы платочки поминальные.

До утра сидим и плачем, безутешные.
Мы мужей своих любили, мы ж не грешные.
Нарожали деток, жили – не натешились!
Черной тканью зеркала мы все завесили...

Фото мужа в черных рамках мы развесили.
Я смотрю в глаза, молю, да не воскреснет ли...
Сжался, Господи, ты надо мной, над несчастною!
Упокойную молитву шепчу часто я...

Все три года, горе горькое – тяжкий мой удел.
Стать вдовицею так рано мне Господь велел.
Закатилось солнце, все поверглось в черный мрак.
Вопрошаю, Господи, как выстоять, скажи мне – как?

Ношу скорби одолеть и тоску мне самой невмочь.
Нет плеча родного, милый, слышишь? И лишь в ночь
Приютит меня дорожка, мы тут шли вдвоем.
Я брожу во тьме одна под нашим фонарем.

2.

Моих жгучих слез никому не видать, вдовьих мук.
Не услышат сердца любящего бешеный стук.
Выживать мне одинокой – нет нужды, дорогой:
Обозначился весь мир без тебя пустотой.

Открываю дверь и в дом вхожу пустой без тебя.
Ветер памяти сбивает, душу всю теребя.
Без хозяина осталась собачонка – век ей выть.
Мы едины в жизни были. Как тоску избыть?

Может, елку на могиле завтра нам посадить,
Чтоб меня вот в эту елочку потом превратить.
Ты тогда меня, подружка, поливать не забывай —
Заглянуть позволь мне ветками в небесный рай.

Мои корни подрастут и смогут глубже достать,
Под землей руками любящими нежно обнять
И ласкать мужа дорогого – он спит вечным сном.
Согревают божьи ангелы тихий его дом.

15-30 ноября 2009

Выживу

Выживу, выдержу, вытерплю, выстою,
Выпью на помин глоток.

Выложу, выкрою, выглажу, выношу
Черный мой, вдовый платок.

Высажу деревце, выращу, выхожу
Там, у ограды дубок.

Ветки расправятся, время потянется
Все успокоится в срок.

Памятью прошлого сердце согреется
Слезы ложатся у строк.

К осени ветер колючий взыграется,
Вскружит последний листок.

Стала душа моя скорби пристанищем —
Мир у вдовицы убог.

Выживу, выдержу, вытерплю, выстою.
Дай мне на все силы, Бог.

4-5.10.2010

07

Генералов Анатолий, Саратов

Посвящение О.В.

Не умею думать о себе —
Снова за тебя переживаю.
Как помочь тебе... Ответь:
Ты где?..
Жаль, что я, как птица, не летаю.

Поскорей, пожалуйста, звони!
Объяви мне: что тебя тревожит...
Все мои душевные огни
Без тебя
На сумерки похожи.

Художник-вечер

Художник-вечер, торопыга,
По облакам рассеял цвет:
На белом – пятнами индиго,
На темном – зарева букет.
Не так, мой друг-ровесник, просто
До неба краски донести,
Коль ночь сметет рукою жесткой
Цвета, ей чуждые, с пути.
И небосвод, как в раме тесной,
Замрет – и на сердце тоска...
Не цвет волнуется небесный,
А – Свет, не пойманный пока.

Кузнечик

Пой, пой, кузнечик,
В траве хмельной.
Нам дарит встречу
Душистый зной.

Как мало надо
Тебе и мне:
В былинке радость

И в тишине.

Жую травинку
И – руки врозь.
Вся жизнь – в новинку,
И я в ней – гость.

Пой, пой, кузнечик,
Полей кумир.
Наш век не вечен,
Но вечен мир.

Кузнечик славный,
Подольше пой,
Возвысим главный
Мотив земной...

Поздний август

Томится лист предчувствием паденья,
Изгиб луны натянут тетивой.
Густеет ночь.
И ветра дуновенье
Играет пожелтевшею травой.
И в тишине тревожного прощанья
В траву упала первая слеза.
Но лета неостывшие желанья
Еще не смотрят осени в глаза...

Непогода

Как нервничает небо...
В облака
Гроза вонзает огненные шпаги,
И падает тяжелая вода,
И заполняет темные овраги.
Порывы ветра сотрясают дом,
Испуганно в саду мятутся тени.
И я готов молиться о любом,
Кто в дальнем поле
Встретил шквал осенний.
Стена воды скрывает близь и даль,
Слух напряженный ослабляет зренье.
Какая есть у неба-то печаль?
Ответа нет. Одно недоуменье...

Сретенский монастырь

Храм плывет навстречу облакам,
Куполами небо доставая.
Озаряет белостенный храм
Вышину от края и до края.
«Аллилуйю» слышит монастырь,
Усмиряет темные печали.
Видит нас Всевышний Поводырь.
Жаль, Его увидим мы едва ли...

Вина

У любви быть не может вины.
И зачем извиняемся мы
Перед прошлой неловкостью лет
Не ответят ни ночь, ни рассвет:
Если мы не любили, нас нет...

Закат

Поздние красные птицы
Вмиг обожгли небосвод.
Вечер на землю садится,
Звезды в кармане несет.
И за сережкою месяца
Плавится жгучая мгла.
Словно небесная лестница
Факел земли вознесла.

* * *

В минорной музыке дождя
Не слышно спора с непогодой:
Она, в саму себя уйдя,
Слиянье чувствует с природой.
В ее мятежности незлой
И в сером занавесе встречном
Есть привлекательный настрой
О нашем счастье скоротечном.

* * *

Ах, как поет скворец!
Свою подругу ждет.
И вскоре – молодец! —
Птенцов он обретет.
А дальше – как всегда
Все повторится пусть:
И стылая вода,
И золотая грусть,
И думы о весне —
Начале всех начал.
...Вот не забыть бы мне:
Скворечник обветшал.

* * *

Все о себе, да о себе...
Не успеваю вставить слово:
Оно помочь тебе готово,
Но застревает в тесноте.
И только редкими «да», «да»
Мосток пытаюсь перебросить.
Но дождь – из «Я» твоих – уносит
Мои желанья в никуда.

* * *

Пока смеялись мы
И возраст обсуждали,
Заплаты хмурой тьмы
На сумерки упали.
И ты спросила вдруг:
– Зачем нам эта осень?
– Не знаю, милый друг!
И ты грусти не очень...

* * *

Кто исцелил бы меня...

Думы мои одиноки —
Как из огня в полымя
Век нас бросает жестокий:
Душу лишает корней
Фарсом своих интермедий.
Домны реформенных дней
Золото плавят из меди.
Зла не желаем другим,
Веруем в радость земную.
Так почему же летим
В бездну глухую, немую?..

* * *

... Цветы открылись, слыша пенье птиц,
Трава росой сушь угомонила.
И горизонт аккордами зарниц
Ударил в струны спящего светила.
К летящим звукам душу подведу.
И за меня цветок тебе доскажет:
Как сладко ждать любимую в саду,
И как язык природы сердцу важен.

* * *

Обессилов, упала звезда —
Не она ли судьбу возносила?..
Пролетела стрелой, без следа,
Тьме далекой оставила силы.
Как же быстро рассыпался свет!
А казалось свечение вечным.
И помчались по памяти лет
И утраты, и новые встречи...

* * *

Луна, как невеста, глядит.
А ночь коротка, между прочим.
И скоро в прохладу влетит
Последнее облако ночи.

Проснется притихший цветок
И, слушая песенку птицы,

Глаза повернет на восток,
Чтоб капелькой света умыться.

Рассвета насыщенный тон
Вольется в певучее лето...
Пока же серебряный сон
Томится, предчувствуя это.

Облака

Вскину взор свой на облака,
Поучусь у смиренного лада...
Там толкается ветер в бока
Никому неподвластной армады.
Облака, подчиняясь, плывут
В бесконечном – и темном, и белом —
И меняют свой лик, и не лгут,
Продолжая небесное дело...

* * *

Душа раскрылась, как цветок,
Услышав искреннее слово.
Любви я верил, сколько мог.
И, разуверясь, верю снова.
Под солнцем плавится сугроб,
Разлились лужи вдоль обочин.
Зато лучи танцуют, чтоб
Сверкнуть в зеленом сердце почек.

* * *

Сухой листвой позванивает осень,
На первых льдинках вздрагивает луч.
Шуршат шаги... И ветерок возносит
Кристалльный воздух до летящих туч.
Летят на Юг в тревоге птичьи стаи.
И крылья веток машут им вослед.
Осенний мир еще прозрачней станет...
Но расставаний бесполезных нет.

Осеннее утро

Серебряный туман
Сошел с отрогов красных,
Клубится здесь и там
Неясностью опасной.

Фонарики росы
Едва дорогу метят.
Небесные часы
Точней всего на свете.

В белесой тишине
Струится время смутно.
И трет глаза во сне
Желтеющее утро.

* * *

За усталым цветком наблюдал —
Как задумчиво он отцветал...

Лепестки раскрывал широко
И ронял их безмолвно, легко...

И, наверно, казалось ему:
Боль его не нужна никому...

* * *

В кипень-цвете опушенной груши
Ищут пчелы сладкую пыльцу.
Мерный гул еще приятней слушать,
Пригибая веточку к лицу.

Молодой листвы веселый глянец...
Невозможно чистый первоцвет!
Не понять, что делается с нами —
И хмельно, и боли в сердце нет.

Просто все. А тайны не помаешь.
Быть — не быть? Для сердца не вопрос...
Сотни лет живи — и не устанешь:

Все живое трогает до слез!

Русь

Мерзлота вековая,
Сине-белые льды...
Это даль, но такая —
Осиянные сны!

Реки к Северу, к Югу...
И поля, и леса.
И просторы повсюду —
Ворота в небеса.

И не Русь оплошала,
Оплошали не мы:
Сколько выло шакалов,
Сколько выпало тьмы.

Мы на миг оступились,
Скажем сердцу: «Не трусь!» —
С нами Божия милость,
Наша вечная Русь!

* * *

И звезде захотелось взглянуть
На мерцающий свет одинокий —
Так твоя серебристая грудь
Задышала волнением высоким.

И кому удалось изваять
Это чудо — овалов и тени...
Я напрасно пытаюсь понять,
Как создал тебя дерзостный гений.

Что сравнимы с тобою цветы,
Говорящие нежностью тоже...
А в каких садах выросла ты
И звезда мне ответить не может.

Снежинки

Снежинки берутся откуда?
В небесной заоблачной мгле
Рождается светлое чудо
И нежно стремится к земле.
Снежинки – живые, живые!
Мерцают, парят и зовут.
И знают пространства иные,
Куда наши души плывут...

В столице...

В джунглях улиц, в джунглях толпы
Онемел чистый голос провинций.
Взоры встречающих полуслепы,
И не русскими кажутся лица.

Иноходец ли я, или – туп,
И блуждаю не там, где бы надо...
Купол Храма Спасителя люб,
И подножье Его без– ограды.

Миновал бы столичный бедлам —
Малосольную славу пиара...
Да звезда есть двуглавая там,
Что глядит в нас пока еще даром...

Багетчик

Недосуг мне сетовать да хныкать,
Мол, настали времена не те...
В рамах буду конопатить стыки,
Помогать проснуться красоте.
Есть на свете ложные улыбки,
Есть на свете искренняя грусть.
Я свои давнишние ошибки
Рассудить сегодня не берусь.
Буду править ветхие картины,
Что струят из детства тихий свет,
Каждый день встречать, как именины,
А в ином, наверно, смысла нет.

08

Головко Игорь, Москва

Прости

Несется в вечность наша жизнь рекою.
Прошли мы жар пустынь и холод вьюг.
И в радости, и в горе ты со мною,
Мой самый чуткий, самый верный друг.

Из Книги жизни ты страниц не вырвешь.
Не перепишешь, что уже прошло.
Пересечешь свой Рубикон, свой финиш,
Оставив из деяний полотно.

Прошли весь путь – свершились ожидания.
Все хорошо, еще, хоть век, живи.
Мы вместе шли от первого свиданья
До настоящей, чувственной любви.

В конце пути, в период завершения,
Когда расцвел закатом и наш век,
Когда ждешь кары или же прощенья,
С тобою рядом верный человек.

А годы жизнь нам отмеряют строго.
Жаль, невозможно бег их замедлять...
Чем дольше путь, тем тяжелей дорога,
И очень страшно друга потерять.

За все винюсь, за все один в ответе.
Коль мне придется первому уйти,
Любовь мою, покинув на Планете,
Прошу тебя: «Прости меня, прости».
Молю тебя: «За все меня прости!»

Дитя гордыни

Жизнь продолжает течь рекою.
Поэтов разномастных рать
Спешат за Пушкиным толпою,
Пытаясь гения догнать.
Такой и я, дитя гордыни,
Толкаясь, лезу на Олимп,

Свергаю ветхие святыни,
Срывая с них горящий нимб.
А чтобы «огонька» подбросить,
Как он, когда-то, в старину,
Я все прошу, какую осень,
Мне кружку принести жену.
И заболотистое лето,
Где кроме мух и комаров,
Что просто мука для поэта,
Мешает множеством дворов.
Уединение – подруга,
Когда ты можешь не спеша,
Среди нехитрого досуга,
Писать, о чем поет душа.
А может, не хватает тройки,
В тумане звона бубенцов...
У нас же всласть грохочут стройки,
И мерен гул автоплугов.
Нет! Мы простых дорог не просим,
Не ждем с протянутой рукой
От Бога Болдинскую осень,
Трудолюбивый непокой.
Мы вдохновенье маним, маним,
И над созвучием корпя,
Мы графоманим, графоманим.
Все для людей, не для себя.
Мы не хотим для них покоя.
Так хочется Поэтом стать!
Спешим за Пушкиным толпою.
Но тщетно Гения догнать.

Дорога

Повела меня душа искать судьбинушки.
Что осталось сироте мне сиротинушке?
Как топтать с утра весь день дорогу пыльную.
Где беднятскую совсем, а где обильную.

По дороге той запыленной шатаюся,
То душою отдыхаю, а то маюся.
Приведет меня дорога к неизвестности.
Доведет мя до греха-то из-за честности.

Снова ждет меня дорога забубенная,
Та длиннющая дорога опаленная.
Где встречаюсь снова с солнцем я, с туманами.
То с людьми порой сердечными, то странными.

Я к дороге той прирос и приохотился,
Да людей я не хулил, на них не злобился.
Не смотрю я на чины и на сословия —
Русь великая моя, моя Московия!

Все блуждаю я лесами, деревеньками.
Где болтаю я с Аксиньями да Сеньками.
Оттого душа как торба раздувается —
Ведь Россия под ногой моей вращается.

Я к Блоку шел...

Я к Блоку шел дорогой длинной.
То – молодость. Она светла...
В той жизни девственно невинной
По Пушкину любовь цвела,
Противясь сонму заклинаний,
И не желая ткать кружев
Из чуждых сердцу излияний,
И складок платия у дев.

Я к Блоку шел, скользя сквозь время,
Сквозь холод и сиянье рос,
И кровь, разлитую в поэме,
Что благословлял Христос.
Сквозь войны и через пустыни,
Конспекты, лекции, цитаты,
И неуступчивость гордыни,
Подъемы духа и откаты.

Я к Блоку шел, и путь тот дальний
Решил беспрекословный рок.
Кто знал в случайности случайной —
Соседом станет вечным Блок?
Через грядущее, что сердцу мила,
Мне тут, сейчас...
Сто лет назад,
Скакал он на коне – Аттила!
Все в печь любви был бросить рад.
Он бурно чувствовал, страдая,
От неба милость, не прося,
Бумагу рифмами терзая,
Как флаг, любовь в душе неся.

Хрусталь души родит поэта,
Палитры сказочную вязь,

Способность дать оттенок цвета,
Над словом княжескую власть.
Все было в нем. И в жизни трудной,
Несносной гордому уму.
Мечтал всегда о деве чудной,
Открытой только лишь ему.
Я в нем увидел Человека,
Метущегося в длинном сне
На переломе злого века,
На все смотрящего извне.
Здесь, в Шахматово, башню строя,
Иль в Петербурге проживая,
Он не желал себе покоя,
Что счастлив, до конца не зная.

Продолжен бой – покой нам снится,
Как лошадь Русь галопом мчит.
В нем сердце Блока будет биться.
И в каждом русском застучит.

Потомки, что все в жизни ищем?
Чего терзаемся? Что ждем,
Мы в августовскую жарницу
Здесь, в Шахматово, под дождем.

И в состоянии полунищем,
Когда на сердце боль и стон,
За смыслом, за духовной пищей
Мы к Блоку, трепеща, идем.

Песнь листопада

Уж скоро осень подойдет, души отрада.
Душа горит, душа поет от листопада.
И в этом яростном огне под сердца трепет
Я верю, что дожждаться мне желанной встречи.

Она настанет под дождем, под листьев шорох.
Их ветер чувственным огнем прочь гонит ворох.
Ты обязательно придешь и сядешь рядом.
Мы будем вместе слушать дождь, песнь листопада.

Настанет счастье и покой, нет слаще сласти,
Когда любимая со мной – покой и счастье.
И в этом яростном огне под сердца трепет
Я верю, что дожждаться мне желанной встречи.

Уж скоро осень подойдет, души отрада.
Душа горит, душа поет от листопада.

Хозяин слова

Заржавело все в душе,
Заскрипели струны.
Провернулось колесо
Ветряной фортуны.
Загорелся как костер,
Прогорел и... пепел.
Краду счастье будто вор,
Мир уже не светел.

Пошел к черту этот край —
Я хозяин слова!
Что, дружище? Наливай.
Жизнь моя сурова.

Я чего-то не пойму,
Что с моей судьбою?
В руки, враз, себя возьму,
Прекращу запои.
И, конечно, этот дым.
Он для сердца вреден.
Буду жить совсем один,
Не ходить к соседям.

Пошел к черту этот край —
Я хозяин слова!
Что, дружище? Наливай.
Жизнь моя сурова.

Вдруг

Вдруг накрылось, как волна —
Все было мало.
Оно дрожало и сипя,
Хрипя, дышало.
И быстрой молнией, пронзя,
Все нервы, члены,
По телу, клетками гремя,
Неслось сквозь вены.
От света и до темноты,
С темна до света.

От сложности до простоты,
Нигде и где-то.
То поднимало вновь оно,
То опускало.
Луна глядела сквозь окно —
Все было мало.

Что нам тоска?

Что нам тоска, что нервные страдания?
Когда души нетленна чувства связь.
Нам не страшны прогнозы и гаданья.
Когда любовь живет, пылая, в нас.

И на заре, и в одинокий вечер.
И в холоде, и в снеге долгих зим.
Меж нами жаркий непрерывный ветер.
Сердце пожар горит неуголим.

Ему не надо новых чувств в награду.
Не беспокоит подлых слухов ливень.
Мне чудится: гуляем мы по саду, —
Небес безбрежных распахнулась синь.

И знает сердце, что довольно слова,
Лишь знака – ты мне только намекни —
Порвется цепь, плотина рухнет снова,
И все потонет в бешеной любви.

Что нам тоска, что нервные страдания?
Когда души нетленна чувства связь.
Нам не нужны прогнозы и гаданья.
Когда любовь живет, пылая, в нас.

Жду судьбу

Вот и осень с дождями пришла,
Вот и осень опять пожелтела.
А любовь, что костром меня жгла,
А любовь до конца догорела.

Мою небо услышит мольбу,
Проведет к счастью тайной тропой.
В одиночестве жду я судьбу,
Потихоньку лишь дверь ей открою.

Может с первым весенним лучом,
С первой ласточкой счастье забьется.
Загорится вновь сердце костром
И по телу огнем разольется.

Верю, небо услышит мольбу.
В жизни ждет то одно, то другое.
В одиночестве жду я судьбу.
Потихоньку лишь дверь ей открою.

Может, слишком наивным я был,
Может, счастье мой мозг замутило,
Может, слишком тебя я любил —
Зло измены меня подкосило.

Небеса пусть услышать мольбу.
В жизни ждет то одно, то другое.
В одиночестве жду я судьбу.
Потихоньку лишь дверь ей открою.

Капли дождя

Капли дождя задрожали в испарине,
Трассы стеклу доверяя судьбы.
Встречи стекли, растеклись расставания —
А утекли лишь секунды воды.

В поле луна, залежалая, зимняя,
Фарой туманный разит горизонт.
Жизнь моя млечная, драная, пыльная —
Неба распахнутый дырчатый зонт.

Годы смешались с жарой и морозами:
Запах духов и горящий рот пот.
Спал, от любви, отлученный торосами,
Жадно глотая смердящий мед сот.

Солнечный луч, разворочав дух времени,
Душу настиг через стену кольчуг.
Сердце в седле, а летящий ум в стремени,
Бьются разрядом высоких потуг.

Рядом стоим, напрягшись перед временем,
Ищем, находим пределы сторон.
Падает шар под мирским тяготением.
Вместе со мной он в кого-то влюблен.

Песня кладбищенская, недопетая

Пусть вьюга занесет следы от нашей встречи.
Горячий поцелуй уж прихватил мороз.
Как грели здесь меня твои простые речи,
Струилась по губам парча твоих волос.

Пусть мы сейчас сидим и пьем
Без счастья и без жалости.
Один лишь раз с тобой идем
Сквозь радости и пакости.
И чувства не задетые
Плывут, пересекаются.
А песня недопетая
Под сердцем трепыхается.

А молодость твоя в мои вливалась губы,
И бился в скачке нерв, как будто с похмела.
Тут, за оградой, спят, на век, притихши, судьбы,
Советуя и нам поторопить дела.

Прижмись ко мне сильнее. Не разжимай объятия.
Секунды проскользнут и не вернуться вновь.
Останутся со мной воспоминанья счастья,
Кладбище да кресты, могилы и любовь.

Пусть мы сейчас сидим и пьем
Без счастья и без жалости.
Один лишь раз с тобой идем
Сквозь радости и пакости.
А где-то там, за веснами,

За снега круговертью,
Нас баба ждет несносная,
Та, что зовется Смертью.
Уж вьюга занесла следы от нашей встречи...

Не могу я сказать «до свиданья»

Не могу я сказать «до свиданья»
После встречи внезапной с тобой.
Не стерпеть мне надолго прощанья —
Оставайся со мною, постой!

Мы сегодня с тобой повстречались.
Звезды вспыхнули вдруг надо мной.
И дождем метеоров сорвались,
Разрывая привычный покой.

В этом пылком вулкане круженья
Вижу только твои я глаза.
В них горячее лавы кипенье,
В них зажглась моей жизни звезда.

Не могу я сказать «до свиданья»
После встречи внезапной с тобой.
Не стерпеть мне надолго прощанья:
Оставайся со мною, постой!

В вальсе кружатся, кружатся пары.
В сердце грохот – проснулась весна!
И текут на меня твои чары,
И в душе – ты одна.
В моем мире ты только одна.

Вернись

Вернись, я так прошу, вернись,
Пусть мчатся, мечутся мгновенья,
Ты для меня – вся моя Жизнь,
Я для тебя – одни сомненья...
Вернись, прошу тебя, вернись.

Как хочется тебя прижать,
Омыть все тело поцелуем,
И в нежном трепете стонать,
И баловать, как мы детей балуем...
Вернись, прошу тебя, вернись.

Не может Боже осуждать
Нас за любовь, что в сердце носим,
Гораздо грешнее страдать,
Где мы «любовь» не произносим.
Вернись, молю тебя, вернись.

И если среди многих струн,
Что еще плачут в твоём сердце,
Найдется ноточка-скакун,
Чтоб отогреть единоверца.
Сыграй на ней. Вернись, вернись.

Любимый Ангел

Любимый Ангел, жду я нашей встречи,
Влетай скорей в мой одинокий дом.
С тобой присядем рядышком под вечер,
Огонь любви немедля разожжем.

Растопим печь, – на нас теплом потянет,
Расслабит нервы, сжатые в комок.
Вдруг сладко-сладко на душе так станет, —
Ведь я с тобой, и я – не одинок.

Ты ниспорхнул, мой Ангел несравненный,
Ко мне с небес, как будто бы шутя.
Счастливей нет меня во всей Вселенной,
О, Ангел мой, как я люблю тебя!

И нет милее для меня занятия —
Пылать с тобою на закате дня.
Мы – две души, закованы в объятья,
Два дуновенья ветра, два огня.

Светиться звездами нам в поднебесье,
И тихим бризом виться над Землей,
И звуком чистым заструиться в песне
Сердечной, юной, свежей, озорной.

Ты ниспорхнул, мой Ангел несравненный,
Ко мне с небес, как будто бы шутя.
Счастливей нет меня во всей Вселенной,
О, Ангел мой, как я люблю тебя!

За столом

За столом белизны белой белый,
Кровоточит душа, будто рваная рана.
Ты права, разорвав ее. Очумелый!
Уж не видеть девичьего нежного стана.

Волочился, забрызгав мрамор пола рубином.
Сердце глохнет, по нервам пилой разрывая.
Гном, козявка, считавший себя исполином.
И за это сейчас отползаю, страдая

Прочь, на волю, под дождь, под горячие струи,

Что, как лед, отшипев, отыграв, испарились.
Ты не вспомнишь меня ни нарочно, ни всуе.
Не цвели, не опали и не влюбились.

09

Гулдедава Петр, Москва

* * *

Если жизненных благ мы желаем всех разом
и не очень-то ценим дареный нам разум,
если нет на душе неизраненных мест,
если духом упал, – полагайся на крест.

Только вовсе не думай, что тихо на попе
на Земле отсидишься, как заяц, в окопе.
С каждым годом бесспорней теперь для меня:
в битвах духа за веру – мой щит и броня.

За кордонами сна – мы, не зная покоя,
остаемся солдатами вечного боя.
Коль опустится мгла на царя или смерда,
умирают тела, а надежда – бессмертна!

Герману Арутюнову

Ночная тьма раскинула свой плед,
и звезды мелким бисером повисли.
Какой пустяк – десяток тысяч лет
и километров – для полета мысли.

Люблю с Луны за небом наблюдать.
Глазеть на марсианские закаты.
До фараонов мне рукой подать,
и два шага до ложа Клеопатры.

Во всех мирах живет моя родня:
Архангелы, волхвы, и злые дэвы.
Запретный плод заманчив для меня,
и сам я – плод грехопаденья Евы.

Чем дольше провожаю птиц на юг,
чем ближе мой ночлег в землянке тленной,
тем глубже я себя осознаю
частицей многополюсной Вселенной.

* * *

Погасли звезды-фонари
и там, где чуть светлее высь,
наносит акварель зари
рассвета солнечная кисть.

А темно-синий грунт небес
стекает, тая, за бугор,
и оживает спящий лес
под петушиный переспор.

Туман восходит от земли —
поплутовал – и был таков,
а в розовеющей дали
плывут пастилки облаков.

Вселяя радостный кураж
в людские сонные сердца,
рисует утренний пейзаж
рука Небесного Творца.

Как видно, и Творец влюблен
и в эти росы на траве,
и в этот птичий перезвон
в размытой солнцем синеве.

* * *

На небе росчерк журавлиный
отметкой осени завис,
прощальный крик, тоскливо-длинный,
на хмурый дол роняет высь.

Леса уже полунагие,
и летний жар помалу стих, —
и вторит птичьей ностальгии
багряных листьев белый стих.

Я, как открытые страницы,
читаю тихий листопад, —
и век серебряный мне снится,
а звоны сердца – как набат.

* * *

Умножая беды и невзгоды,
земли пашен обращая в сушь,
в перестройке матушки-природы
мы дошли до перекройки душ.

И не можем выполоть никак
в гуще насаждаемых иллюзий —
розово-оранжевый сорняк
экспорта ползучих революций.

Сколько Бога за страну ни молим,
как ни охраняем – все равно
сеют на исконно русском поле
чье-то чужеродное зерно.

* * *

Каким себя ни прикрывай мы платьем,
как лихо перед кем-то ни пляши —
мы за ошибки неизбежно платим:
кто золотом, кто – муками души.

И все же нам, порой, хватает дури,
и мы ничуть не дрогнувшей рукой
меняем на немыслимые бури
стабильный и размеренный покой.

Когда меня избавят от экстрима,
тогда, кто знает, может быть и я
смогу представить, как невыносима
обыденная легкость бытия.

* * *

Если мчаться по жизни, зажмурив глаза,
ощущая затылком дыхание зверя,
то тебя уже вряд ли отпустят назад —
этот каменный лес, эти джунгли безверья.

Если страх наложил на сознание печать,
не тоскуй, унывая, что песенка спета:

если здоровым рассудком пути освещать,
наши страхи, как совы, сбегают от света.

Надо голосу сердца почаще внимать,
не стесняясь будить молчаливую совесть,
и как Волю Всевышнего в дар принимать
с благодарным смиреньем – и радость, и горечь.

10

Дормина Ольга, Москва

У самого края

И снова в раздумьях у самого края
Вдыхаю опасность неосторожно —
Вполсилы отныне я жить не желаю,
Полчувства для радости невозможны...

Застыл у обрыва цветок одинокий,
Такой же как я — доверяющий солнцу.
Природа не сможет к нему быть жестокой,
Поэтому слабость на храбрость способна.

А ветер срывает вуаль равнодушья,
Такой же как я — непокорный бродяга —
Смахнет вереницу сомнений ненужных
И крылья свои мне в подарок протянет.

Тогда полечу я по самому краю,
Презрев шепот разума полусонный,
Дорогу к мечте с полувзгляда узнаю
Полжизни отдав за любви невесомость...

Наивность и Мудрость

Венчая осень жизни трудной,
Сединами облачена,
На троне восседала Мудрость,
Что подданным всегда нужна.
В ее устах — отвага правды,
Открытие смысла бытия,
Здесь нет лукавства и коварства —
Лишь истины течет струя.
В служанках у нее — Наивность,
Доверчивая как дитя,
Ценя чудес природы дивность,
По жизни движется шутя.
Советами своей царицы
Девушка по уши сыта,
Недаром по ночам ей снится
Живых событий суэта.

Бесстрашно падает Наивность
В ошеломляющий поток
Обмана, шалостей невинных,
Что повседневность нам несет,
И, встретив разочарование,
Вновь проливает море слез,
В объятьях Мудрости страдая,
Пронзенная шипами роз.
И с опозданием вспоминает
Предупрежденья госпожи,
Что разбивается фонарик
Иллюзии, встречая жизнь.

Но, порицая глупость девы,
Грустит царица о судьбе,
Что наделила знаньем вредным,
Не дав почувствовать предел
Внезапных вольных увлечений
И нежности хмельной любви,
Предаться страсти откровенно
И болью сердце оживить.
И плачет от бессилья Мудрость,
Завидуя служанке в том,
Что с легкостью живет бездумной,
Дыша отчаянной мечтой.

11

Дубинин Александр, Москва (Стихи из петрозаводского цикла.)

В дорогу!

Проходит жизнь, ее не выбираю.
Мне место уготовано одно.
Смирился я, с него не удираю,
И это продолжается давно.

Работа, дом, скандалы, пересуды,
Заботы и проблемы без конца.
Обрыдла мне сверхзначимость посуды,
Обманы и интриги наглеца.

И снова мне на месте не сидится.
Устал я в повседневности тонуть.
В дорогу и совсем не за границу!
В отечестве хочу я отдохнуть!

Куда дорога? Путь давно знакомый:
На север за полярною звездой,
В Карелию. Седой и незнакомый
Я путь торю, как будто молодой.

Опять в плацкартном еду я вагоне,
Как в юности далекой и хмельной.
Качает нас, как будто при обгоне.
Прощаюсь вновь с родною стороной.

Экскурсия по Петрозаводску

Площадь Ленина

А вот и площадь Ленина, остановились здесь.
Тут памятник из серого гранита ему есть.
Одетый: в шапке зимней, в пальто с воротником.
Почти не узнаваем, но все-таки знаком.
Стоит Ильич, прям в центре, где раньше Петр стоял,
Уверенный, спокойный, как скульптор изваял.
И взгляд его направлен на озеро, вперед,
Туда, где был поставлен Петром еще завод.

Там речка протекает, железо в ней лежит,
С порогов вниз сбегает, и мост еще стоит.
Старинные хоромы воздвигли с двух сторон,
Что площадь обрамляют, солидно как закон.
Воздвигли их давненько, была здесь слобода.
Голландец управлял здесь и жил еще тогда.
А с двух сторон из улиц машин удобный въезд,
Чтоб прямо через площадь удобный был проезд.
И на краю площадки, среди гранитных плит,
Живой огонь как память о подвигах горит.
Горит и не потухнет здесь вечный тот огонь.
Он – память тем, кто пали, за жизнь, за нас с тобой!
На тех гранитных плитах фамилии подряд,
Всех павших поместили в один бессмертный ряд.
Они героически пали на страшной той войне,
Где деды воевали и бились наравне!

Парк Державина

У площади раскинут просторный летний сад.
Он чувства все с природой настраивает в лад.
При входе пушки смотрят, что сделали давно,
Железная дорога, как в прошлое окно.
Все сделано в слободке, чем город был тогда,
На маленьком заводе, где местная руда.
А в парке среди деревьев аллеи пролегли.
Мы двигаемся, молча, и слушаем шаги.
Аллеи те покрыты брусчаткой-мостовой,
Здесь местный камень ровно уложен мостовой.
И в самом центре парка скульптура, как утес.
Стоит здесь сам Державин, да-да, не лейте слез.
Он был здесь губернатор и правил целый год.
Весь парк – его заслуга, при нем разбит был, вот.

Музей кукол

Но время мчит стрелою, торопит нас вперед.
Уходим мы от речки, музей нас кукол ждет.
Поднимемся по склону, дорогу перейдем,
И через дверь с тобою в мир сказочный войдем.
Кого мы здесь увидим, словам не передать,
И долго то, что встретим, все будем вспоминать.
Тут домовой у печки и леший, и яга,
Кикимора с болота, простая кочерга.
Кощей над золотом чахнет, заветный дуб растет,
И в этом царстве сказки экскурсия пройдет.

Присядем все на лавки, в восторге детвора.
Экскурсия для взрослых, а детям все – игра.
Искусством напивавшись, идем в соседний зал,
Здесь куклы, сувениры, веселый шумный гам.
И мы как все набрали диковины с собой:
Открытки и магниты, да кукол по одной.

У реки

Но вот мы мчимся дальше, нас вновь дорога ждет,
И к речке подъезжаем, что в озеро течет.
Спускаемся на берег обычный и простой,
И в этот час, как видим, безлюдный и пустой.
Несется меж камнями стремительный поток
Под мост, что протянулся и прочен, и высок.
За ним уже сливается в широкий водопад
Оранжевыми водами, там буруны кипят!
Разбит камнями острыми, шумит речной поток.
Он быстрый и выносливый, хоть мелок, но широк.
На камнях пена белая волнует гладь реки,
А быстрое течение не любят рыбаки.
Вели ватаги шумные седые вожаки,
Вручную добывали здесь железо мужики.
Ковшами с ручкой длинной черпали ил со дна,
А после промывали ил, осталась чтоб руда.
Из той руды добытой под гладью бурных вод,
Чугунные отливки производил завод.
Для домны обжигали древесный уголь тут
Из множества деревьев, в округе что растут.
Руда с углем древесным, по имени «шихта»,
Здесь в домну загружалась для новой плавки, да!
Из домны при горении без всяких тяжких дум,
При жарком при плавлении получится чугун.
Сольют в отливки жаркие полученный расплав,
И будут пушки царские громить тех, кто не прав!

На набережной

Гуляют здесь туристы и местные жилицы:
Спортсмены и артисты, и просто продавцы.
Широкая дорога вдоль озера, газон,
Ночными фонарями прекрасно освещен.
Здесь местные гулянья проходят и музей
Скульптур, который нужно нам осмотреть скорей.
Идем, глядим скульптуры, что встали вдоль пути.
Дорога вдаль уходит, по ней легко идти.

Блестящие на камне у берега рыбаки,
Из самого Чикаго добрались чудаки.
А вот русалка голая распласталась в волнах,
Огромная и черная с хвостом и на столбах.
Не щит, а карта звездная, диковин здесь полно,
И сколько не рассказывай, не вспомнишь все равно.
Их все не перечислить, так много их стоит,
И каждая о чем-то прохожим говорит.

12

Железная Анна, Москва

* * *

*Посвящаю Григорию Ефимовичу Креслову, политруку
пулеметной роты 273 стрелковой дивизии, пропавшему без вести 23
сентября 1942 года под Сталинградом.*

Мой дед погиб под Сталинградом,
Но знал, что за спиной Москва,
Он был политруком, солдатом,
И первым в бой вставал всегда.
Стояла колом гимнастерка
От крови, грязи и боев.
И на двоих одна винтовка,
И на двоих сухой поек.
Но знал солдат, идя в атаку,
Что за спиной родная мать,
Всю жизнь прожившая в бараках,
Горбятя спину при царях,
Что за спиной родные дети,
И счастье с молодой женой,
Он был тогда за всех в ответе,
Вставая первым в смертный бой.
И поднимаясь в гарь и пекло,
На шквал немецкого огня,
Он шел вперед за Власть Советов,
За Знамя Красное Кремля.

* * *

*Посвящаю Михаилу Федоровичу Пакину, сержанту 4-го
отделения 86 стрелковой дивизии, погибшему 22 февраля 1943,
защищая ГРЭС-8 в городе Кировске, Ленинградской области.*

Погиб мой дед под Ленинградом
в густой февральский снегопад.
Снаряды разрывались градом.
ГРЭС-восемь защищал солдат.
На станцию ломились фрицы,
артподготовка шла стеной —
он жил в ней огненной частицей
и отбивал за строем строй.

О подвиге писала много
газета «Красная звезда»;
его портрет со взглядом строгим
нас переносит в те года.
Погиб солдат, увитый славой, —
могила общая тесна;
умчалась смерть с косой кровавой —
пришла победная весна.
И мы стоим, потупив очи,
пред чередой черных плит —
душа вулканами клокочет,
а сердце ноет и болит.
Так будем же достойны павших,
по ним поступки проверять,
чтоб не жалеть о дне пропавшем,
чтоб веру в жизнь не потерять.

* * *

А флаг еще не спущен,
Не предан Серп и Молот,
И Ростропович не играет на костях;
Курок еще не спущен,
И снайпер из Моссада
Еще не мочится на человеческий прах.
Торгашеские рынки
Не полны иноземцев,
И русский дворник курит под окном;
И не стреляют танки
Без промаха по сердцу,
По тем, кто защищает Белый дом.
Еще летит по небу
Наш олимпийский Мишка,
И радуются дети всей большой страны;
И не воруют хлеба,
И не торгуют телом,
Все люди братья и по уровню равны.
А Красный флаг не спущен
Над вымершей деревней,
А Красный флаг не спущен
Над вымершим селом.
И плачут о погибших
Лишь травы и деревья,
Засохший сад и поле
С гудящим сорняком.

13

Завьялова Марина, Москва

На краешке

На краешке, над лучезарной бездной
Среди многозначительных теней,
Чуть-чуть напоминающих людей,
В потоке безгранично-нагло-лестном,

Когда фантомы, прикрываясь маской,
Шутливо, нежно портят Вам судьбу
Незначашими фразами, табу
На жизнь и на ошибки, милой лаской

Пророча статус, яркие одежды,
Карибы, несмываемый загар,
Зажмурясь сочно, новый гений, star,
Вы плачете от сумрачной надежды

Стать светочем среди глупцов несчастных,
Друзей, заплывших бытом, и коллег.
Пусть смертен каждый мелко-человек,
Харизма Ваша к плебсу безучастна...

И вот оно – расписан день на годы,
Вам выдан сейф и серенький билет.
Лишь шаг от пропасти... Вы умница, поэт!
Чудесней нет изменчивой свободы...

Майский танец

Солнце надело балетки,
Томно плывут облака.
Пляску красоти-старлетки
Напоминает река.

Та же свобода в движенях,
Блеск, ослепительный свет
В водном потоке... Круженье,
Плавных изгибов букет.

Рядом склонились осины,
Зелень танцует кадрили.

А у ольхи-балерины
Строгий изысканный стиль.

Все веселятся: настала
Жизни, цветенья пора.
Ровность анданте пропала,
Быстро несется игра

От реверанса к канкану...
Вспыхнет к закату сирень.
Так неожиданно рано
Майский закончится день...

14

Ильина Инесса, Москва

Медведица Маша

Цирковая медведица Маша
Зимней ночью не может заснуть,
Помнит Маша арены и марши,
Выпал Маше безрадостный путь.

С детства леса родного не знала —
В старом цирке в опилках росла.
На манежах страны выступала,
Столько радости детям несла!

Но не вечна актерская доля,
Слава, блеск обернулись тюрьмой,
Честный труд заменили неволей,
Сделав Машу добычей живой.

Дикой сворой хозяева лают,
Травят жертву, не зная стыда,
Псы кусают, визжат, нападают!
Цепь крепка. Не уйти никуда...

Столб позорный по нелюди плачет!
Суд настанет. Пробьет их слеза?
И до смерти пусть будут маячить
Перед ними медвежьи глаза.

Музыка

Вдоль аллеи Театральной,
Мимо станции Динамо,
Путь не близкий и не дальний,
По дорожке, мимо Храма.

Теплый вечер. Шум проспекта.
Столь привычная картина.
Зазвучали рядом где-то
Чудо-звуки клавирина.

И в короткое мгновенье
Площадь в сцену превратилась,

И на лицах вдохновенье
Тихим светом отразилось.

Как изящные гондолы,
Две стояли органолы,
Словно черные рояли,
В дорогом концертном зале.

Лица с ангельскими схожи,
Руки-птицы ввысь взлетали,
И случайные прохожие
На месте застывали!

Вдоль Аллеи Театральной,
Мимо станции Динамо,
В чарах музыки астральной
Шли мы рядом – я и мама.

Друзья

Кто придумал такое и где,
Что друзья познаются в беде?
И по первому зову придут,
И невзгоды рукой разведут?

Оборотная в том сторона,
Что не всякая дружба верна.
Если хочешь проверить друзей,
Поделись-ка удачей своей!

Раздели с ними радость побед,
Пригласи их к себе на обед,
Пусть отпразднуют радость твою,
Принимая ее, как свою.

Приготовься к любым чудесам.
И обиду замкни на замок.
Дай свободно часам и весам
Устояться в назначенный срок.

Наблюдай, словно зритель в кино,
Изучай, словно школьник урок
Цепь друзей – где слабее звено,
Если друг, невзначай, “занемог”.

Заболел, позабыл, опоздал,
На работу помчал, на вокзал,

Сгинул в пробке, попал на Луну,
Отлучился в другую страну...

Наплевал, посмеялся, устал,
Обещанья напрасно давал,
Позавидовал, сделал назло...
Но тебе все равно повезло!

Повезло не обжечься враньем,
Не заклеванным быть вороньем,
Не измазанным в лести и лжи,
Обнажая свои рубежи...

Верный друг приглашенья не ждет,
Только, если умрет, не придет.
Дружбы истинной скрытый алмаз
Не горит для завистливых глаз!

15

Казакова Елена, Москва

Памяти деда

моему деду Казакову Алексею Васильевичу
Ты жизнь прожил достойно,
Ты партии и Родине служил,
Всегда держал себя спокойно,
Детей достойно жить учил.
Всегда подтянутый и стройный,
Скупой на ласку и слова,
В трудах всегда упорный.
Мы дружно чтим твои дела.
Ты был примером сыновьям,
Пример твой очень важен,
И никогда ты не был пьян,
Наградами твой путь украшен.
Член партии, строитель ты,
Взгляд тверд, глаза не опускаешь,
Медали на твоей груди,
О многом в жизни знаешь.
Трудясь для Родины своей,
Ты о семье не забывал,
Не забывал ты и друзей,
Хозяйство крепкое держал.
Стараясь сыновей поднять,
Ты помогал им выбрать путь,
Достойными советовал им стать,
Надежд своих не обмануть.
Промчались годы чередой
От детства до могилы,
И ныне ты обрел покой,
Но в памяти события живы:
Как в армию тебя призвали,
Женился, и родился сын,
А позже на Урал послали,
Тогда еще был молодым,
На плечи годы не давили,
Хоть сердце иногда шалило,
О многом сыновья забыли,
О многом вслух не говорили,
Но ты о них не забывал,
Заботами о близких жил,
Звонил и о себе напоминал,
Жену свою ты пережил.

Наследство сыновьям оставив,
Ты и о внуках не забыл,
Родных от дележа избавив,
Ты ни о ком не позабыл.

28.02.2012

Мое богатство

Мое богатство – это сын,
Моя душа, мои родные,
И дни прошедшие не дым,
В них нити жизни золотые:
Поэмы, музыка, мечты
О чем-то светлом и высоком.
Я избегаю суеты
И жизни смысл ищу глубокий,
Понять хочу не то, что видно,
А жизни смысл уловить,
Хотя порой, увы, обидно,
Что просто все, не удивит
Меня порою чья-то прихоть,
Желанье чем-то обладать,
В душе моей спокойно, тихо,
Нет зависти, и не понять
Мне тех, кого сжигают
Пороки, страсти и обман,
Как дни без пользы прожигают
По чьей-то прихоти. Дурман
Сей жизни только охлаждает
Полеты творчества души,
Лишь вдохновенье убивает.
Творить возможно лишь в тиши,
Когда нет спешки, нет давленья,
И благодатна тишина,
В ней есть полет и вдохновенье,
В ней муки творчества. Она
Еще одно мое богатство,
Без тишины душа больна,
Ей в тягость суетное рабство,
Она для неба рождена,
Как всякая душа иная,
Хоть забываем мы порой,
Что в ней частица неземная,
В ней пламень света неземной.

11.11.2011

16

Крючкова Александра, Москва

Дому 50/5 на ул. Б. Никитская

I

В этом доме – призрак – тише! —
Он, скользя сквозь стены, стонет! —
Здесь его никто не слышит,
Здесь его никто не вспомнит.

Мне б в преддверии рассвета
Не спугнуть его случайно
Скрипом старого паркета
В тишине необычайной.

По ступеням – выше, выше!
Под апрельским снегопадом
Станцевать бы с ним на крыше,
Приласкать бы нежным взглядом...

Пусть нас тайно повенчают,
На него я так похожа! —
Здесь меня не замечают
И не вспомнят – после – тоже...

Он мне всех на свете ближе —
Сколько раз от стен стонала?..
Я давно его здесь вижу,
Я давно его узнала...

II

Обними меня по-земному
В этом Доме Имен Небесных,
Где, душою прильнув к Иному,
Я теряюсь среди безвестных.

Где все стены живут лишь Словом,
Где распахнуты двери в Вечность,
Я хочу, как ребенок, снова
Окунуться на миг в беспечность.

Где все окна полны печали,
Где ступеньки – награды, даты,
Я хочу, чтобы нас венчали
Духи тех, кто здесь был когда-то.

С Тишиной в темноте по Дому
От портрета – скольжу – к портрету,
Обними меня по-земному
Перед тем, как я кану в Лету.

III

В этом доме на стенах – портреты,
Но один из них, мама, живой —
Он то шепчет молитвой куплеты,
То качает в тиши головой.

В нем сменяются лица – их много!
И звенят голоса их во мне:
Кто-то любит – любовью Бога,
Кто-то ищет любви – на дне.

Пред портретом склоняюсь несмело,
Повторяю, как эхо, слова,
Если б я так красиво запела,
Здесь висела б моя голова!

Я спросила охранника, мама:
«Чей здесь справа безвестный портрет?»
Он ответил: «Пустая рама,
Никого еще в раме нет...»

Он ни звука не слышит, ни слова!
Он не видит печальных их глаз!
Оттого возвращаюсь я снова
И вернусь в этот дом не раз.

Серебрится портретная рама,
И сменяются лица во мгле,
И все чаще мне кажется, мама, —
За других я пою на земле...

Молитва

пошли мне тех, с кем в жизни – по Пути,
возьми все то, что я должна отдать,
подай мне знак, кого мне отпустить,
не дай узнать, что мне не нужно знать.

скажи о том, чем я могу помочь,
и что еще мне следует успеть,
и заberi без промедлений в ночь,
лишь допою порученное спеть.

Христос воскрес!

Взгляд влюбленных порой безумен,
Их прописка – Страна Чудес...
Он сказал мне, что Бог наш умер...
Я сказала: Христос Воскрес!

Возвращаться нельзя – примета,
Сколько всяких примет – не счесть!
Он сказал мне: Надежды нет, а...
Я сказала: Надежда есть!

Размечая в судьбе маршруты,
Чья-то вздрогнула вдруг рука...
Он сказал мне: Любовь – минуты...
Я сказала: Любовь – века!

Он сказал мне, что Вера – повод...
Я сказала, что Вера – Путь!
Он был тоже когда-то молод...
Я хотела его вернуть...

Часовня

Не пугает – меня – эшафот —
Умирала – не раз – от боли...
Кто... Его – за меня – отпоет?
И в часовне – какой? – отмолит?

Я прижалась в ночи к фонарю,
Как к последнему – в жизни – другу...
Я хотела – с Ним – пить Зарю,
А зимою – с Ним – слушать Вьюгу.

Но заплакали на Небесах —

Он сказал мне – Ему – не ровня...
Не рожден еще – тот – монах,
Не построена – та – часовня...

Художник

Не жалею, художник, ярких красок
Девочке с душою пилигрима! —
В галерее карнавальных масок
Нарисуй меня, пожалуйста, без... грима.

С криком в Небо! С лучиком Надежды!
В Вечность распростершую объятья!
Человека красят не одежды —
Нарисуй меня, пожалуйста, без... платья.

На огромный Океан похожей! —
Жаждою Любви! – Я так хотела
Жить!!! ... А ты однажды тоже...
Нарисуй меня, пожалуйста, без... тела...

Нам всем

Нам всем немного нужно отдохнуть,
Переосмыслить вечные святыни,
Наполнить душу мыслями благими,
Чтоб вновь продолжить бесконечный путь.

Забыть обиды, гнев испепелить,
Гордыню усмирить, унять высокомерье
И попросить у недругов прощенья,
И искренне врагов своих простить.

Впустить любовь в усталое сознание,
Раскаяться в содеянных грехах
И перед будущим оставить всякий страх,
Открыть себя для нового познания.

И с утренней зарей продолжить путь,
Благодаря за посланные беды,
Чтоб одержать над суетой победу,
Не потеряв божественную суть.

17

Курганова Татьяна, Москва

Вечный бой

Рыба спит в глубине морей,
Птица плещется в поднебесье —
Этот мир человеку тесен,
Он скромнее, чем мир идей.
Человек затевает бой
С одержимостью и упрямством,
Расширяет свое пространство,
Соревнуясь с самим собой,
Но без компаса и без карт,
Не найдя в темноте дороги,
Разбивает о камни ноги,
Возвращаясь опять на старт.

Все растет и растет цена,
Чтоб рассвет вдалеке забрезжил,
Тех, кто выжил, и тех, кто не жил,
Навсегда разведет война,
И абстрактность благих идей
Перевесит простая тризна,
Изменяя течение жизни
Не причастных к войне людей.
Кто доволен своей судьбой?
Завтра снова грянут напасти,
В сердце вновь заклокочут страсти —
Мы же все не в ладах с собой!

Остается один лишь бог:
Путь тернистый давно известен,
Был бы только посредник честен,
Не спешил ухватить кусок,
Не лукавил в своих речах,
Поучая мирское стадо,
Что, мол, богу не много надо,
Лишь бы в лампе огонь не чах,
Лишь бы всюду царил покой,
Волки сыты и овцы целы,
А такое благое дело
Можно делать любой ценой!

Значит, снова прольется кровь,
Опрокидывая сознание! —

Слишком длинное расстояние,
Слишком позднее покаянье,
Слишком маленькая любовь...

Осень

Незаконченные дела
И потерянный интерес —
Это осень опять пришла,
С приглашением или без.

Разнотравьем покрытый луг
Превратила в солдатский плац,
Певчих птиц прогнала на юг,
Отпустив им последний шанс,

Придавила своим катком
Припозднившиеся цветы
И оставила под замком
Все несбывшиеся мечты.

Мираж

Заросший лесом островок
Средь созревающего поля!
И путник думает невольно:
«Какой прелестный уголок!»
Кусты привольно разрослись
Над повалившейся оградой,
Смолистых сосен колоннады
Неудержимо рвутся ввысь.
Внизу, как будто, благодать,
В полыни шмель гудит и вьется,
Но звук тревогой отдается,
И нечем, кажется, дышать.
Бугры, ограды и венки
С давно облезшей позолотой —
За них цепляются охотно
Жизнелюбивые вьюнки.
Далекий колокольный звон
Сюда почти не долетает,
Лишь тени смутные мелькают
Под крик рассерженных ворон.

* * *

Оглянись и посмотри на жизнь, смеясь.
Ведь она не так серьезна, как забавна,
И о том напоминает нам исправно,
Нас вплетая в собственную вязь.
Было все на белом свете, да прошло,
От большой любви до фарса – лишь полшага,
И не знаешь, что же сделать надо,
Чтоб не больно было, а светло.

Выбор

Можно попасть в город мечты —
Это же так просто!
Или упасть вниз с высоты
Собственного роста.
Можно поймать силу волны
В ветреном океане,
Или хлебнуть пресной воды
И утонуть в ванне,
Век свой прожить в старой избе,
Видеть во сне звезды,
Или мешать чьей-то судьбе
И разорять гнезда.
Можно спасать жизни людей,
Слыть в небесах асом,
Или загнать сто лошадей,
Но не пройти трассу.
Можно копить старческий скарб,
Вечно дышать пылью,
Или любить пасмурный март,
Чистить к весне крылья.
Выбор всегда, всюду, во всем
Без показной фальши —
Что принесешь в собственный дом,
С тем будешь жить дальше!

Поэту

Продуктивны сомненья!
Жизнь была бы без них невозможна!
Ты сидишь и молчишь,

Прядь волос иногда теребя,
Но я знаю, внутри
Мысль коварная ждет осторожно,
Мягкой лапой своей,
Не пугая, цепляет тебя.
Из глубин подсознания
Появилась кошачьей походкой,
Вдруг, свернувшись в клубок,
Замерла – и ее уже нет!
Ты не спишь по ночам,
Видишь всюду одни нестыковки,
И формален подход,
И совсем тривиален сюжет.
Принимаешь решение,
В свой талант и удачу не веря,
Может, лучше другой
Воедино все нити сведет?!
Но сейчас на полях
Прорастают шальные идеи —
Пригодятся потом,
Когда все у тебя совпадет!

18

Лебедев Сергей, Тольятти

Молитва

Пошли ей, Господи, спасение
От злого глаза и молвы,
Все можешь ты от сотворения;
Пошли ей, Господи, Любви.

Мое прими, Господь, раскаянье,
О том, что я творил грехи,
Мольба моя не от отчаянья,
Пошли мне, Господи, Любви.

Храни, Господь, нас от затмения,
Пусть не клянемся на крови,
Не тронет души ржа сомнения;
Пошли нам, Господи, Любви.

Русь

*Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

С.А. Есенин

Если мой путь оборвется внезапно,
Я на бегу синевой захлебнусь,
В миг, когда мне не вернуться обратно,
Разве не вспомню звенящую Русь?

Русь – это мать и отец мой в начале,
Русь – лютый холод, капли весны,
Русь – это вместе с любимой молчанье,
Русь – это друг и щемящие сны.

Это пути, берега и тропинки,
Это друзья, что не кинут в беде,
Это и дождь, и с грибами корзинки,
Это и радость в любви и труде.

Пусть же мой путь оборвется внезапно.
Что ж, синевы над собой не боюсь.
Даже, пускай не вернусь к вам обратно,

Хватит того, что увидел я Русь.

* * *

Я не знаю бессонных ночей медсанбата,
И осколок не колет под сердцем моим.
Из трубы одинокой, обугленной хаты
Не слепил меня едкою горечью дым.

Испытать не пришлось мне дорог отступленья,
Я не полз под огнем на горячем снегу,
И за ужасы плена, свое унижение,
Не ломал позвонки в рукопашном бою.

Только, если все так, что ж, не чувствую боли?
От всего, что приносит с собою война?
Да, рожден я, наверно, на мирную долю,
Незабытая боль мне от мамы дана.

Осенний мотив

Сочная зелень осенних полей,
Ярко желтеющий лес...
Сердце мое, ты в стакан мне налей
Синюю влагу небес.

Выпью я неба родного глоток,
Словно хмельного вина,
Горечь полыни и сладость дорог
Я опрокину до дна.

И захмелев на траву упаду,
Осень, меня приласкай.
Пламя осины зажги на ветру,
Душу в огонь принимай.

Буду сегодня я пьян все равно,
Легким листом – на вес.
Пью я стаканом хмельное вино;
Синюю влагу небес.

Прощание

Я сидел на диване у Мамы в ногах.
Умирала Она у меня на глазах.
Улыбались морщинки, но молчала Она,
Проплывали мгновенья за шторой окна.
И боялся я словом нарушить покой
Ожиданья последнего сна за рекой.
Понимала Она, что творилось в душе,
Не просила участия, опоры уже.
Мне хотелось хоть что-то в поддержку сказать,
Но она и без слов понимала все – Мать.
Отвернулся к окну, утирая слезу.
Я вину перед нею по жизни несу.
Мы бессильны порой в неизбежности той,
Закрывающей солнце и Маму бедой.
Я сидел на диване у Мамы в ногах.
Передать не могу я все это в словах...

* * *

Четыре года до Берлина...
Горит смоленская земля.
И мать с надеждою на сына,
В бой проводившая, жила.

А сын с гранатой и «Максимом»,
Закрыв собою батальон.
Пока от немцев уходил он,
Косил их первый эшелон.

С пробитой грудью, истекая,
Сын до последнего стоял.
И вот, истерзанный штыками,
На дне окопа умирал.

Окоп могилой стал для сына,
Без обелиска и холма...
Четыре года до Берлина,
Не зная, мать его ждала.

Дело было в Репном

*В селе Репное Балашовского района Саратовской области начали
строительство детсада на месте старого кладбища.*

Наклонившись, кресты деревянные

Навевают печальную мысль,
А гранит полировкой стеклянную
Отражает весомости смысл.
Нам на смену придут поколения,
Принеся свою совесть и взгляд,
И на жизни узлах и сплетениях
Новых мыслей костры загорят.
И собрав все кресты деревянные,
Бросят в пламя горящих костров,
А гранит с полировкой стеклянную,
Весь уйдет на дорожный покров.
Так случилось уже под Саратовом —
Слышен хруст человеческих костей,
Где могилы разрушены трактором,
Чтобы садик поднять для детей.
Чтоб они со спокойною совестью,
Когда взрослыми станут людьми,
Из могилы родителей вскорости
Устилали дороги костями.
Я гляжу на кресты деревянные,
Гложет сумрачно дикая мысль,
Что сейчас, в наши дни окаянные,
Даже память теряет свой смысл.

19 Листова Мария, Самара

Зачем тебе?..

Я помню все: ее, испуг, молчание,
Вино, измятую постель...
Так захотел ты? А в глазах отчаянье!
И ничего не изменить теперь.

В твоих глазах – лишь крик о помощи:
Ни слова вслед! Я уйду сейчас.
Зачем тебе, мой, ничего не помнящий,
Вся эта летопись о нас?

Опять я – как мишень на стрельбище:
И некуда бежать, и грудь в крови...
Зачем тебе, мой, никому не верящий,
Все откровения мои?

Пусть снег теперь – весенний, тающий
Прощает все твои грехи.
Зачем тебе, мой, ничего не знающий,
Мои дурацкие стихи?

И ничего ни в прошлом нет, ни в будущем.
Все зачеркнув, я возрождаюсь вновь.
Зачем тебе, мой, никого не любящий,
Вся моя нежность и любовь?

20

Максименко Татьяна, Жуковский

Тридцать строчек о любви

Но за любовь ты дорого заплатишь:
И посмеешься с нею, и поплачешь.
Цена любви – земная жизнь твоя!
Она короче утреннего вдоха,
Она коварней вражьего подвоха,
Она прекрасней песни соловья...
Но что же ты грустишь над горсткой пепла?
Она, сгорая, плакала и пела,
И смех ее звучал в твоих ушах.
Закрой глаза – увидишь профиль юный,
С ума сводивший ночью душной, лунной,
Услышишь приближающийся шаг.
Рисуй любовь! Твое воображение
То вызывает головокружение,
Взрывая акварельный зимний сон,
Как плоть земли растения взрывают,
И, выйдя на поверхность, прозревают,
И озирают мартовский газон.
Взгляни: любовь твоя весной пропахла,
Но исчезая в небе, не пропала,
У птиц уроки дерзости взяла!
То вся она струится, то летает,
То льдинкою в твоей ладони тает,
То согревает волнами тепла.
Проявится из пелены метели
Твой путь, твой дом, ребенок в колыбели,
И ты поймешь, что не напрасно жил.
Ты в узел свяжешь встречу и разлуку,
И жизнь, и смерть, и благодать, и муку,
Что Бог создал и в гневе сокрушил.

21

Максимов Вадим, Москва

* * *

Серый снег прильнул к шоссе устало,
Под худую липой день притих.
Всех легенд, всех бед и карнавалов
Он в себе дыхание вместили.
Вечер нас накрыл голубозвездным
Маревом, текущим, как туман.
Бьет лунатик по луне замерзшей,
Глух ее холодный барабан.
День – для тысяч тысяч. Для бессмертья.
День бы вылить, выбить, написать.
Сколько б ни иметь Земле столетий,
Дней всегда ей будет не хватать.

1984

* * *

Глоток – надежды воздух благодатный,
А дно – колодец темный и глухой.
За льстивый возглас неживой,
За каплю славы – злая плата.
Волной охристой мчалось утро,
Дремало небо над тобой —
Ты не глуши хорал минуты
Сиюминутности трубой!
Зазвав тебя в пустые дали,
Она споеет за упокой.
Глоток – клокочущие залы,
А дно – измученный покой.

1984

Ушедшим

Посреди друзей блуждая нынешних,
Предков эфемерных жду порой,
Хоть прапамять силой не подвинешь ты,
Все же ты прапамятью порой.
Предки травянистый сон оставили,

Вижу их сквозь синюю страну.
Сила свода синего не старится,
Отметя столетий седину.
Ты, живое облако, порей!
Давят тучи роковыми плечами.
Пал пустой горою князь Андрей,
На небо смотря аустерлицкое.
Облака ночей – меха веков,
Ночь хранит восход в сосуде снов.
Дни над временами тихо реют,
Сберегая дар ушедших слов.

1978-1987

Неуспокоившееся предание

Рогами ужаса распят
Здесь по начал пацаний взгляд.
Идет под пташек перечирк
Священных будней плановик,
В хуле покинул свет и дом
В году великом и глухом.
А нынче дьявольский посол
Царем на кладбище пришел:
«Объявим комендантский час —
Не шастать больше по ночам!»
В официальном сапоге
Копыто млеет на ноге.
Ночь – синий газ, и в ней – фантом.
Двенадцать. И «Маяк» потом.
«Как!? Довоенный плановик,
Ты после смерти жив, старик!?»
– Что ж, языки у нас длины,
Да яд – удел твоей слюны!
Чтоб не берeditь наш рассвет,
Ты вынешь адский пистолет,
Хоть в жизни света нас уж нет,
Все мал тебе один конец!
Но, злобный труп, не ел ты круп,
И светом гниль твою сотрут!

1979-1987

Цена порыва

Каждый, кому доведется раз в двести лет
По течению реки, скольженью луны или полету розы,

Бросив иное, искать и найти
Правило своей великой Игры – Игры Игр,
И выиграть ее – ради своих и чужих двухсот лет,
Воздаст за счастье своими двумя веками, сошедшими
В два мига, войдя сам во мгновенную грозовую радугу
Для такового нектарно-огненного радужно-грозового исхода.

1994

* * *

Все дозволено в мире звезде,
Но запомни, звезда: ты – аскет
И в пути, и в игре, и в своем бытии.
Ты – не солнце, родящее мир,
Ты – лишь зеркальце тихой Земли.
И лишь там, где светила и свет
Уравнялись той далью, что разум разит,
Отраженье рожденью равно.

1994

Определённость

До нас лететь смертельно долго,
Мы нудной желтизной цвели,
И дальше звезд от нашей полки —
Избушка серая Земли.
Идти домой из дома долго,
Но – рядом, если суть нашли
И свет, и мрак, и солнце Волги,
И хата синяя Земли.

1994

Диалектическое рондо

Жил-был забавный, за болью, за баней
Забойный витой крутой вопрос.
И ответы на него вились как штопор
Крутого витого далекого дыма —
Забавные, забанные, забойные, иззабольные, витые, крутые.
И утянули они за собой ответ – туда, где ни долгих,
Ни кратких ответов на вопросы и вопросов за ответами нет.
А он заново завился, закрутился, окреп —
Забавный, забанный, забойный, иззабольный,

А корень его на другой стороне Земли
В ответ вкрутился, вился —
И не стало разницы между ними —
Забавный, забанный, забойный, иззабольный – ЧТО?

1994

Эстафета

Как зубы, от дождя булыжники знобило,
После жары сквозь них пила земля,
Бордюры мостовых в асфальт забились,
Чтоб не уплыть в зеленые моря.
Зеленые моря – твои, поэт Борис Корнилов,
Гремели довоенные дожди,
И в ливне, как над Балтикой штормило,
Живым ты брызнул облаком воды.
Потом... потом и облака горели,
И рыба сохла в нефтяном огне,
Ломая дождь, Аманда к Мануэлю
Бежала. Далеко от нас.... При мне...
Кровинки были серые дождевики,
В кулак сжимались тучи над Москвой,
Катились, словно град, глухие льдинки
Газетных букв тяжелою струей.
Мы будем поздним хмурым зимним градом,
Мы будем тяжким ледяным ножом,
Мы – мы в овраг к разбитому снаряду
Людскую тучу требовать придем.
Добры и злы есть и дубы, и пальмы,
Из нас они взмывают – из дождей,
Уходим в небо, в дождь вместившись дальний,
И капли – вечность тайная людей.

1980

22

Маркова Ирина, Москва

Казачья песня

Мчалась тройка через поле,
Мчалась тройка через лес,
А казак гулял на воле,
Словно месяц средь небес.

Ива плакала в сторонке
И рябина у реки,
А в ночи весенней звонко
Пели песни казаки!

Было весело и жарко,
В каждой хате – по свече,
И блестели звезды ярко,
Словно шашка на плече.

Грაციозно кони мчали
Вслед за ветром в час ночной.
Вовсе не было печали,
Да к чему ей быть весной?

Месяц над станицей вышел —
Вечность месяц очертил,
И казачью песню слышал
Целый хор ночных светил.

Звон пасхальный колокольный
Разливался у реки,
Отвечали песней вольной
В час полночный казаки.

Полночь медленно шагала,
Над землей апрель парил.
Пасха звезды зажигала,
Месяц вечность озарил.

То ли тройка мчит с востока
Через поле и леса,
То ли Пасха издалека
Зажигает небеса,

То ль казак гулял на воле,

Пал на землю ночи плед —
Мчится тройка через поле,
Мчится мир за Пасхой вслед.

* * *

Где-то плачет ива,
К озеру склоняясь,
Ветки гнет красиво,
Словно извиняясь,

Кутаясь в туманы
Шалью дождевою, —
Осыпаться рано
И сорить листвою.

Распускаться ж поздно —
Нет весны в помине.
Август сыплет звезды
В небе темно-синем.

Подчинясь смиренно
Вечному закону,
В лужах по колено
Разгулялись клены.

Небо затянуло
Пылью серебристой,
Облако стряхнуло
Сон слезою чистой.

Скачут в поднебесье
Лета отголоски,
Косы в перелеске
Расплели березки,

Золотом подшили
Зелень сарафана,
Каплями застыли
Жемчуга тумана.

Проселочная Русь

За проселочной дорогой
Даль прозрачная видна —

Охраняемая Богом,
Спит России сторона.

Дремлют веси и поселки,
Мчит маршрутное такси,
Бродят древние проселки
По Есенинской Руси.

Звездопад царит как вечность —
За звездой летит звезда,
Над Россией в бесконечность
Звезды падали всегда.

Мчались вечные проселки,
Быстрый ветер сбился с ног,
Хоровод водили елки
С колокольной у дорог.

Да и нынче неизменно,
Как в былые времена,
Затерявшись во Вселенной,
Спит России сторона.

На церквушке старой фрески,
Словно капельки с небес,
Мчат проселки в перелески,
Убегает время в лес.

Колокольни контур строгий,
Да звонят колокола,
Редкий путник у дороги
Никому не помнит зла.

Всхлипнул колокол степенно,
Зла не помня в мире слез.
Век уходит постепенно,
Замирая средь берез.

По проселкам издалека
Ускользает в небо рай...
Русь Есенина и Блока —
Тишина да Божий край...

Огни трактира

Луна вошла над миром —
Который век подряд...

Над маленьким трактиром
Лишь облака парят.

Прозрачные волокна
От облака в пруду.
Трактир погасит окна
В семнадцатом году.

... А нынче вечер ясный —
Далек от новостей.
Трактирщик ежечасно
Приветствует гостей.

Котлеты с пылу, с жару —
Пожарские, видать.
... Цыганская гитара
Поет про благодать.

Запел цыган протяжно
Про лунный свет во мгле,
И сам трактирщик важный
Слегка навеселе.

Его судьба, как лодка,
Что мчит через реку.
Он заглушает водкой
Тревогу и тоску.

Двадцатый век с луною
Кружится на пруду —
Он встанет вдруг стеною
В семнадцатом году.

А нынче пели славно —
Цыган уже в седле,
И сам трактирщик явно
Слегка навеселе.

Прозрачный месяц глянет —
Скользнет в ветвях в саду,
Пока что гром не грянет
В семнадцатом году.

Пусть песня жизнь украсит,
Забывши про беду...
Трактир огни погасит
В семнадцатом году.

23

Меркулова Элла, Москва

Март в снегу

Ты расстроился из-за прогноза...
Обещал тебе Вильфанд вчера,
Что исчезнет угроза мороза.
Станут теплыми вечера.

Ты поверил. Твои ожидания
Оказались надеждой пустой.
Странно. Ты ожидаешь свиданья
С потепленьем, как с детской мечтой.

Непогода «слегка» затянулась.
Холода не хотят уходить.
От Зимы до Весны протянулась
Чуть заметная тонкая нить.

Все условно. Нет четких граней
У сезонов, и нет границ.
Мы зависим от предсказаний
Прилетающих с Юга птиц.

Слушать пенье их ярких арий
Мы готовы еще Зимой.
Разноликость двух полушарий
Порождает здесь стужу, там зной.

Показаний синоптиков верность
Стала лучше в последние годы.
Но верна ли закономерность
Колебаний сезонных погоды?!

Люди были давно недовольны
Малоснежной Зимой. А ныне
Мы на северной половине
Утопаем в снегу. Привольно

Ощущать пышный снег в сугробах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.